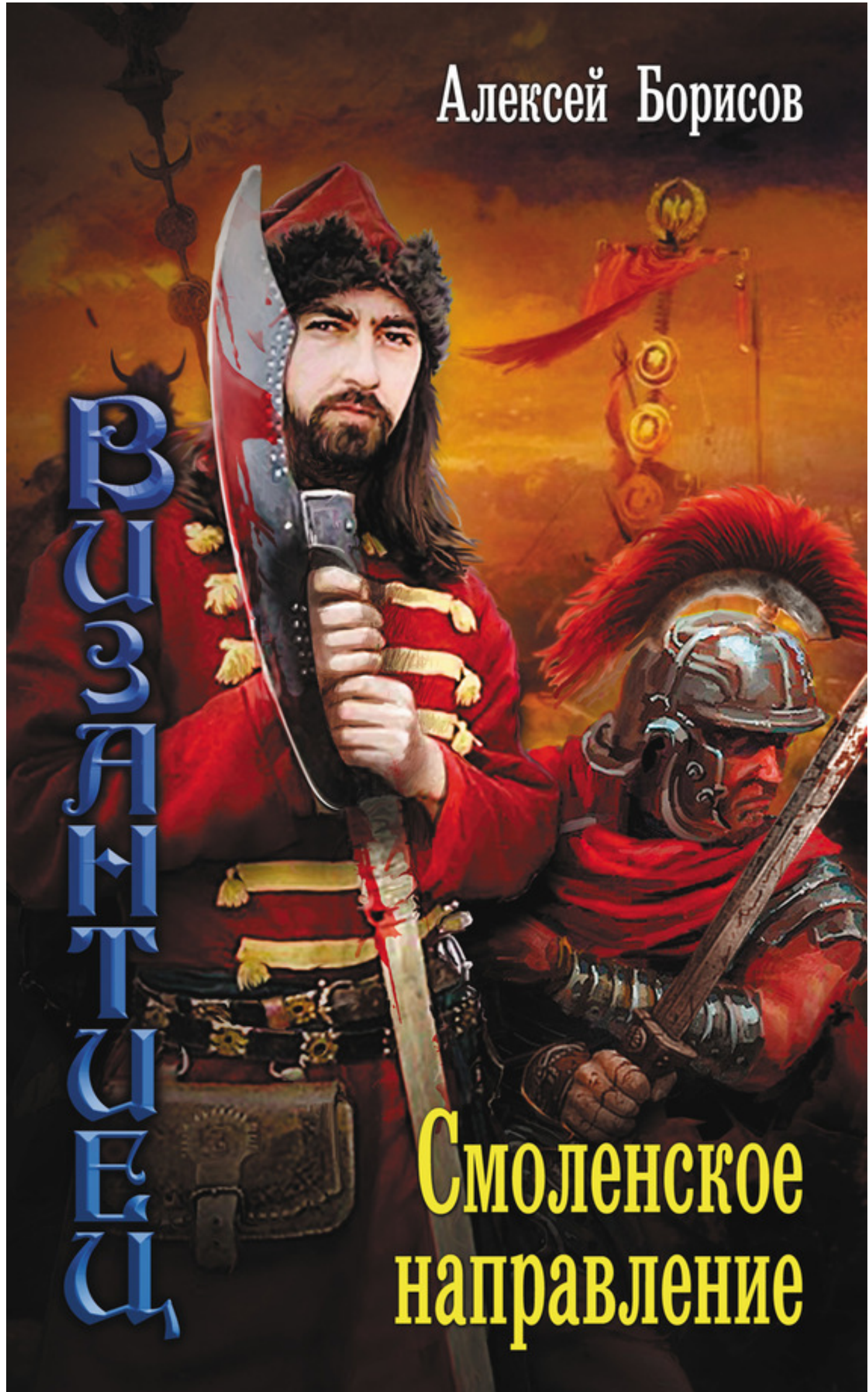

Алексей Борисов

ВИЗАНТИИ

Смоленское
направление

Византиец

Алексей Борисов

**Византиец. Смоленское
направление**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Борисов А. Н.

Византиец. Смоленское направление / А. Н. Борисов — «АСТ»,
2016 — (Византиец)

ISBN 978-5-17-097495-5

Смоленск. 1239 год. Богатейший город Руси должен был повторить участь Рязани, Владимира и Суздаля, но устоял перед полчищами завоевателей – монголов. В преданиях будут упоминать подвиг пришлого воина Меркурия, который пришёл из будущего, чтобы помочь нашему прошлому. Он – Византиец, бывший морской офицер ушедшей державы. Он – воин, а поле битвы для него – вся история нашей Родины.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097495-5

© Борисов А. Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1. Наследство	6
2. Тайная комната	13
3. Другой мир	20
4. Новгородский купец и месть киевлянина	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Борисов
Византиец: Смоленское направление

*Счастлив народ, история которого скучна.
Приписывается Шарлю Монтескьё.*

1. Наследство

Попасть в автомобильную пробку в Севастополе, по пути из центра города в сторону Гагаринского района, не представляет никакой сложности. Это надо иметь невероятную удачу, чтобы без проблем проскочить отрезок от Студенческого городка до улицы Юмашева. Вроде светлейшие головы советской когорты архитекторов корпели над ватманами, тем не менее, дорожное проектирование всегда было слабым местом нашего градостроительства. Вдаваться в причины и размышлять: как было бы, если бы – занятие бесперспективное. Проблема либо решена, либо... а если ещё троллейбус впереди, да ещё что-то случилось с ним – пиши пропало. Остаётся вспоминать бездействие чиновников и ждать, когда водитель в оранжевой безрукавке попадёт с пятого раза штангами на провода. Поверьте, это лучше, чем пытаться объехать «рогатую» машину по встречной полосе. «Закон подлости» предполагает наличие инспектора в таких местах. А нужной визитки с размашистой подписью у меня уже нет. Индულгенцию каждый год покупать надо. Сэкономить решил, теперь – расхлёбываю и плююсь через лобовое стекло на рекламу. После оранжевого переворота выпивший стопку водки президент, сев за руль служебного авто, разогнал державную автоинспекцию. Дешёвый популизм не прибавил политического авторитета, достойной замены не нашлось, и вскоре всё вернулось на круги своя. Государевы люди с полосатыми палками взялись за свою работу с таким остервенением, словно на борьбу с фашизмом вышли. «Служба, мол», да мы, автолюбители, конечно, всё понимаем. И правила стараемся не нарушать, но каждый раз, когда изо дня в день здесь образуется дорожный затор, вместо «доброй феи» почему-то появляется «демон» с радаром, который только и ждёт нарушения, не пытаясь предотвратить его. Хорошо хоть спешить некуда. Последствия кризиса поставили последнюю точку в моём мелком бизнесе, и я стал обдумывать, как жить дальше. Личная жизнь, с перспективой вновь создать новую ячейку общества, целенаправленно движется к дворцу бракосочетания. Верные друзья, квартира, новая машина – это всё в плюсе. И тут же обратная сторона. У кого в жизни не бывает бед и огорчений? Есть они и у меня. Положительного, конечно, больше, однако роста позитива, блин, совсем не видно. Замер он, как тот шар в бильярдной лузе, который только тронь и закатится, но пока... Колёсико джойстика крутилось под моим пальцем, табло выдавало цифры частот радиоволн, и едва я поймал приятную мелодию, как она закончилась. Ищу дальше, из динамиков заверещал противный голос, сообщающий о том, что при строительстве детской больницы под Киевом не украдено и гривны. На другой волне речь идёт о том же медицинском центре, только сумма

воровства превышает шестизначную цифру. Третья выдавала нечто невероятное – ничего и не строилось, всё давно в оффшорах. Поди разберись, что там происходит на самом деле, да и надо ли? Дальше – ещё хуже. Дебаты в прямом эфире на диком суржике. Коммунист-бизнесмен, напрочь забыв о классовой борьбе, рассказывал о смертельной схватке двух кланов, поделивших Украину, где ему, бедненькому, места не нашлось. Оппонентом выступал директор Музея памяти жертв НКВД из Щирец, решивший испытать депутатского счастья, а диктор, попытавшись встрять, был обруган с двух сторон одновременно почему-то по-русски. Когда-то замечательный писатель советовал не читать перед обедом газет. Думаю, он и сейчас был бы прав. Едва я выключил приёмник, как зазвонил телефон.

Трынь! Трынь! – раздалось из карманчика сумки.

Откинул крышку мобильного, одновременно нажимая паузу на джойстике. Посмотрел на номер, не определён. Точь-в-точь, как позавчера. Неужели ситуация повторяется, когда позвонили из банка, по карточке которого уже неделю был перерасход? Тогда их стряпчий сразу начал грозить вселенских масштабов карами, после чего выслушивать зазубренный текст о возможном повышении процентных ставок желания не возникло. Было б что-то серьёзное, прислали б на бумаге, с уведомлением. А так, потерянное время. Тем не менее, этот бубнёж стал бы хоть каким-то развлечением, так что нажал соединение.

– Борисов слушает.

Так отвечать по телефону меня научил ещё отец, в военном училище это было закреплено, а потом просто выработалось на уровне автоматизма.

– Алло, Алексей Николаевич, это вы? Я Левин. Борис Борисович Левин, адвокат из Москвы.

Вот не люблю я общаться с представителями юриспруденции. Всегда с ними рука об руку какие-нибудь проблемы ходят, о которых стоит только заикнуться, как они к тебе намертво прилипают. Умом понимаю, что институт их нужен, даже необходим, а сердцем – нет. Ибо в мифы о честном судопроизводстве я никогда не верил, а защитник при Фемиде ассоциировался исключительно с потраченными деньгами. Впрочем, бывают и исключения. Голос из динамика показался немного знакомым, приятным, и я успокоился.

– Он самый, слушаю вас, Борис Борисович.

– Алексей Николаевич, я давний друг Коленьки, вашего отца. Мы уже встречались, в Паланге, в конце семидесятых. Вы были совсем ребёнком, в кремовых шортах с белой рубашкой. Не помните?

Хотя детские воспоминания считаются наиболее яркими, и эти шортики гэдээровские с петелькой для пряжки ремня я хорошо помню (два года носил), и город на Балтике со знаменитым хлебом, но встреча с Борисом – хоть убейте – в голове не всплыла.

– Я вот по какому поводу звоню, – продолжал Левин, – умер ваш дядя. По завещанию вы являетесь одним из наследников. Сейчас я нахожусь в Севастополе, на аэродроме Бельбек, только что прилетел. Нам необходимо встретиться, так сказать, уладить некоторые формальности. Вы меня понимаете?

Естественно, я его понимал. Более того, даже весьма заинтересовался. Хотя я и не был тем утопающим, который хватается за любую соломинку, но после краха фирмы любое наследство было очень кстати.

– Понимаю. Где и когда мы встретимся? – Вопрос задал чётко, вспоминая, что адвокаты очень любят конкретность.

– Позвольте я буду называть вас просто по имени... оптимальный для меня вариант у вас в офисе. У вас же остался офис? Хотя, Алёша, где будет удобнее? Мы вполне могли бы встретиться в уютном зале небольшого кафе на набережной.

Я задумался. То, что мне пришлось прервать аренду офиса день назад, знали лишь два человека. Моя персона и арендодатель. Откуда осведомлённость о моих проблемах? Или стал

слишком подозрителен, или нервы? Впрочем, конторские телефоны не такой уж и секрет. Наверняка этот Борис Борисович предварительно туда позвонил, да только автоответчик и услышал.

– Ждите в Бельбеке. Я скоро приеду.

«Минут сорок, не меньше», – подумал я.

– Ой, таки огромное спасибо, – куда-то в сторону от трубки, – это не вам, Лёша, буду ждать. Позвоните мне, как прибудете.

Абонент отключился, о чём сообщил непрерывный гудок.

– До встречи, Борис Борисович, – было сказано уже телефону.

Сложив трубку, я стал вспоминать, какой такой дядя мог оставить мне наследство, из-за которого в Севастополь прилетел целый адвокат Левин. Вроде бы наследственными делами заведует нотариус, к чему такие сложности? Может, дело нечисто или спорное, а Левин представляет чью-то сторону? Теперь дядя. Любая потеря близких, безусловно, трагедия для семьи, а он у меня был один, и я помню, как переживал, когда пришло скорбное известие. Вот, только давно это было. Отец несколько лет назад ездил в Литву, навещать могилу, так что лучшего решения, как ему позвонить и пересказать разговор с Левиным, я не нашёл. Ответом было недолгое молчание, после чего выяснилось, что Борис действительно папин друг с детства, а по поводу наследства брата есть твёрдые сомнения. Ибо много лет назад, ни о какой доли имущества речи не шло, всё перешло дочери покойного.

Фа-фамм! Сигнал клаксона вернул меня к реальности. Троллейбус уже отъехал метров на сорок, и теперь только моя машина тормозила движение. Инспектор ГАИ стоял в нескольких метрах от бордюра и разочарованно крутил видеокамеру в руках, не срослось. Пока проезжал мимо него, в голове мелькнула мысль: «Нефиг ловить автолюбителей, лучше б движение регулировал». Инспектор каким-то шестым чувством догадался, что обсуждают его персону, улыбнулся и приложил руку к козырьку, отдавая честь. Мол, молодец, не нарушил.

Дорога до Бельбека заняла почти час. Поехал через Инкерман и застрял у опущенного шлагбаума. Невезучий выдался день. Переваживая информацию, я стоял на переезде, глядя на проходящий поезд. А ведь жизнь человека несётся сквозь время, подобно этому составу. Он останавливается на станциях, и мы выходим из вагонов или едем дальше. И если нет цели, то рано или поздно тебя посещает мысль: «На нужной ли остановке вышел? Вдруг надо было ехать дальше»? Но поезд ушёл, а ты уже навсегда остался на платформе перрона и начинаешь завидовать тому, кто устался в окошко из уютного купе, не зная, что ждёт его впереди. Несправедливо, как хочется получить шанс узнать, прав ты или нет?

Подъехав к административному зданию аэропорта, я заметил одетого явно не по погоде невысокого человека в старомодной соломенной шляпе и в тёмно-синем шерстяном костюме. В это время года это беда многих приезжих. Ведь не будешь менять гардероб прямо в аэропорту, когда в том же Шереметьево всего плюс десять, а по прилёте в Севастополь уже за двадцать пять. Поэтому плащ, перекинутый через руку, да огромный чемодан в красную клетку на колёсиках, стоящий в окружении таксистов, говорили только об одном: несомненно, это был Левин. Других приезжих поблизости не наблюдалось, и ноги как-то сами двинулись навстречу этому клубку из людей. Звонить не пришлось, мы встретились взглядом друг с другом. Человек с чемоданом приветственно помахал шляпой и резко засеменил в мою сторону. Протягивая мне правую руку, он улыбался.

– Борис Борисович, – представился адвокат, слегка кивнув головой.

– Алексей, – ответил я, пожимая руку, – рад вас видеть.

После знакомства я вежливо попросил посмотреть его документы. Покрутил в руках паспорт, фото с лицом совпадает, инициалы тоже. Придаться не к чему.

– Вы очень похожи на своего отца, Алёша. Последний раз я видел его приблизительно в вашем возрасте. Такой же строгий и подозрительный, – сказал Левин с обидой в голосе, забирая паспорт.

– Борис Борисович, не обижайтесь. Сами знаете, сколько мошенников развелось. Пожалуйста, присаживайтесь. Поговорим о делах у меня дома. Вы не против?

– Нисколько. Дома так дома, как скажете. Кстати, зовите меня Борис, так я чувствую себя моложе.

Мы сели в машину и поехали. Борис опустил окошко в двери и, высунув голову, посмотрел ввысь. Небо над нами было чистым. Только с правой стороны, там, где за горой начиналось море, толпилась стайка белых облачков, чем-то напоминающих разлетевшихся в разные стороны чаек.

– Я когда приезжаю в новый город, – сопровождал свои действия Левин, – всегда смотрю на небо. Много можно узнать по облакам. Это как на кофейной гуще гадать.

– Первый раз в Севастополе?

– Второй, – закрывая окно, – всё больше в Геленджик езжу, да и в моё время сюда без пропуска было не попасть, – сказал Левин после затяжной паузы, флегматично уставившись на дорогу.

– Да, действительно, – согласился я, – раньше город был закрытый. Надолго сюда?

Мой пассажир, словно не услышав, продолжал смотреть на дорогу как загипнотизированный. Разговор и так протекал как-то вяло, из-под палки. На мой взгляд, адвокат скрывал за собой две или три личности, и в разговоре со мной большая его часть в беседе не принимала никакого участия, находясь как бы в стороне. А то, что было мне представлено, напоминало отражение в зеркале, но не человека. Я уже подумал, что ему стало плохо, и хотел остановить машину, как вдруг, он вздрогнул, словно тело встряхнуло от судороги, и с его губ слетел какой-то смешок.

– Мне кажется, вы засыпаете от скучной жизни! – раздражённо сказал я. – Вам необходима встряска.

– Простите, Алексей, задумался. В такие моменты я словно нахожусь не здесь. Сменим тему разговора. Так что, педаль газа в пол, и позвольте старику насладиться красотами природы в приятной компании.

Левин улыбнулся, и лёд между нами растаял. Борис оказался изумительным собеседником, внимательно слушал, рассказывал анекдоты и истории о похождениях тридцатилетней давности, когда бензин стоил сорок копеек, а на двадцать пять рублей можно было гудеть в ресторане, напиваясь до неприличного состояния. Оставаться равнодушным к этому человеку было просто невозможно. По дороге домой мы заехали в магазин, купили бутылку коньяка, какие-то фрукты, остановились возле памятника Нахимову, сфотографировались на Графской пристани, и в квартиру попали почти под вечер, голодные, как волки. Так что пока я колдовал над кофе и сервировал стол, мой гость дегустировал коньяк, печатая что-то на нетбуке. Не знаю, кому как, но я считаю, что в жару лучше пить сухое вино, однако на моё предложение о бокале крымского «Алиготе» Борис ответил, что отдаёт предпочтение крепким напиткам, и менять свои пристрастия желания не имеет. Едва мы уселись, как адвокат достал красную папку и пафосным тоном произнёс:

– Борисов Алексей Николаевич, согласно воле вашего дяди, по истечению пяти лет со дня его кончины в вашу собственность передаётся дом, земельный участок площадью четыре гектара, катерный причал с ангаром, хозяйственные пристройки. Всё находится в Смоленской области недалеко от посёлка Хиславичи. Необходимые налоги и издержки по оформлению будут выплачены моей адвокатской конторой. Вы вправе отказаться, о чём должны написать соответствующее заявление.

Стараясь подавить волнение, я закурил. Вот счастье-то привалило, даже на стуле стало как-то неуютно сидеть. Тем не менее, надо было давать ответ, а чувство, что что-то здесь не так, не покидало.

– Обождите с ответом. Скажите, а почему в условии завещания говорится про пять лет? Это что, дядин каприз или непреодолимые условия?

– Хм-м, Алёша, нет ничего досаднее в жизни, чем вспоминать об упущенном моменте. Есть такое понятие, как «Воля покойного». Вы либо подписываете документы на право собственности, я передаю бумаги и ключи, мы обмываем ваше наследство и всего хорошего. Либо, – Левин показал конверт, на котором было написано «Вскрыть в случае отказа», – мы просто пьём кофе, и я уезжаю в гостиницу, где должен изучить пакет с дальнейшими инструкциями.

– Даже так? – Немного удивился такому повороту событий.

– Замечу, что во втором конверте о Вас не упоминается, поверьте моему опыту.

– Давайте ручку, Борис Борисович. Глупо отказываться от наследства в моём положении. С удовольствием подпишу бумаги.

Мне протянули бланки для подписи, и официальная часть нашей беседы подошла к концу. Так я стал обладателем своего первого наследства. Мы выпили коньяк, Левин достал сигары, а вскоре, за чашечкой ароматного кофе начали беседу никуда не спешащих людей.

– На Кубе делали, – мой собеседник щёлкнул гильотиной, отрезая кончик сигары, – ручная работа. Согласно слухам, прекраснейшие девушки пригорода Гаваны крутят их на своих бёдрах, что добавляет экзотики и романтизма. В этом я склонен верить Просперо Мериме, а на правду производства мне начихать! Закуривайте, Алексей, и выбросите эти дурно пахнущие папиросы с шовчиком Мендельсона. Хуже курить только сигареты.

– Каждый исходит из своих возможностей, – возразил я.

– То так, – кивком головы согласился Левин. – Однако сегодня необычный вечер, я бы даже сказал, знаменательный. А посему всё должно быть на высшем уровне, опять-таки, – с улыбкой, – исходя из наших скромных возможностей.

– Скажите, – отложив в сторонку папиросу и взяв из коробки сигару, – можно ли посмотреть фотографии моего наследства? А то неудовлетворённое любопытство хуже недоеденного завтрака в голодное время.

Я уже внутренне был готов лицезреть огромный замок в пять этажей с фонтаном и скульптурами, взводом прислуги и гаревыми дорожками. Дядя был настоящим зодчим. Долгое время строил в Польской Народной Республике. В Вильнюсе имел свою бригаду строителей экстра-класса, мог одним топором возвести дом без единого гвоздя. Когда мы с семьёй приезжали в Литву, папа всегда навещал брата, и каждый раз можно было увидеть что-нибудь новенькое, то, что он сделал своими руками. От паркета до мебели, всё сам. Но, как говорится, мечтать не вредно.

– Нет, фотографий у меня нет, – Левин развёл руками, – дом как дом. Пару этажей, сарайчики.

– Жаль, – со вздохом обронил я.

– Согласно его оценочной стоимости, по московским меркам, ничего серьёзного он собой не представляет. – Гость отстегнул накладной воротник своей рубашки (такие сорочки я видел только в старых фильмах), кольцо сизого дыма вылетело изо рта адвоката и устремилось к потолку, наполняя комнату ароматом дорогого табака. – Правда, расположен у реки и лес дремучий в наличии. Так кого этим сейчас удивишь? Впрочем, съездишь – сам всё увидишь. Давай-ка выпьем по последней, с утра мне надо быть в Симферополе и пора улетать в столицу.

Последним бокалом мы не ограничились и, пока бутылка не показала дно, не останавливались. В результате, забыв про гостиницу, гость заночевал у меня дома. Я же не спал полночи. Хотел позвонить Полине и всё ей рассказать. Давно мечтал о собственном доме. Это

вам не квартира в многоэтажной коробке, где беспокойные соседи каждый день что-то сверлят, ремонтируют и перекрывают воду. А главное то, о чём давно мечтал: лес и река. С этими мыслями я и уснул.

Утро выдалось беспокойное, а всё потому, что поднялись мы практически в одно и то же время и в ванную с полужакрытыми глазами топали из разных комнат, столкнувшись чуть ли не лбами у двери. Естественно, каждый из нас предложил обождать, пропуская другого вперёд.

Пока определили очерёдность, то да сё – время безжалостно улетало. В конце концов, всё устаканилось и спустя четверть часа, я готовил незамысловатый завтрак холостяка (яичница с гренками), а мой гость, заказав такси, выглядывал с балкона, созерцая краешек морского горизонта.

– Вот так, в кои-то веки приехал в Севастополь и не искупался в Чёрном море. Не везёт, – посетовал Левин.

– Какие проблемы? – удивился я. – Поехали, десять минут ничего не решат, зато не будете сожалеть об упущенной возможности.

– Так плавок нет! – Как бы в оправдание ответил адвокат.

– А так, в костюме Адама. Шучу, можно в семейных трусах, у нас в Севастополе считается привилегией аборигенов купаться в семейках. Да и не увидит никто. Я одно место знаю, на берегу парковой зоны, так там в такую рань только «бегуны» купаются, а им, поверьте – до лампочки, что на вас.

В общем, долго уговаривать гостя не пришлось. Покончив с завтраком, мы поспешили в Парк Победы, вызванное такси за нами. От моря до моего дома менее километра, доехали быстро. Людей, как я и предполагал, почти не было. Левин фыркал и плескался у бережка галечного пляжа. Нырнув с пирса, я поплыл к нему.

– Ну как? Вода солёная? – спросил, когда мои ноги коснулись дна.

– Фр-р-р... – Борис радовался как ребёнок, – ещё как солёная, просто прелесть. Это вы, молодое поколение, избаловано Эгейскими и прочими Мраморными морями. А мы, старички, всё больше по нашим родным акваториям. Не понимаете вы, что только родная вода может придать силу. Впрочем, всё познаётся со временем.

Погрузившись в воду, он, пробыв там несколько секунд, вынырнул, вставил указательные пальцы в уши, прокрутил их по часовой стрелке и выпустил струю воды изо рта, в точности, как Алексей Смирнов в бессмертной киноленте «Операция Ы». Мне вдруг стало приятно на душе, оттого что сделал доброе дело человеку, привезшему столь заманчивый подарок. Выйдя на берег и воспользовавшись полотенцами, мы уселись на них вместо подстилок. Борис положил мне руку на плечо.

– Алексей, спасибо тебе. Уговорил меня выбраться на пляж. Сам бы я не поехал. Разучился уже вот так, по-простому отдыхать. Хочу предупредить тебя. Тот дом, который возле Хиславич, Феденька строил не сам. Он лишь делал реставрацию. То, что он там обнаружил, кардинально изменило его жизнь. Я, Фёдор и твой отец были друзьями с детства. Даже нам он ничего не сказал о находке, пока не случилась беда. Во втором пакете, которым я тебя страшил, ничего не было, прости старика, соврал. Если бы ты отказался или посчитал наследство розыгрышем, то мы бы больше не увиделись. Возможно, это было бы к лучшему. – Борис привстал, стряхнул прилипшие к ступне мелкие камешки. – Зачем я это тебе говорю, просто ты мне стал симпатичен, так похож на Коленьку.

– Борис, может, заедем к моему отцу? Здесь рядом, пешком пятнадцать минут хода.

– Нет, даже не уговаривай, мы не должны быть рядом. Каждый держит свои скелеты в личном шкафу. – Левин как-то осунулся, помрачнел и отошёл немного в сторону от меня. – Поссорились мы, воды с тех пор утекло – жуть.

– Так помиритесь!

Борис задумался на секунду, дёрнул бровью и отрицательно покачал головой:

– На досуге почитай о вечном. О дружбе, особенно о любви. Всё поймёшь. Что-то разволновался, проводи-ка меня до авто.

Мы дошли до такси. Перед тем как сесть в машину, Левин передал мне конверт.

– Тут пара строк от меня и адрес адвоката в Смоленске. Он мой однокашник, поможет. Как будешь там, дай о себе знать. Времени у меня мало, если что, как меня найти – ты знаешь.

Такси резко тронулось с места и вскоре исчезло за соснами парка. Немного побродив по пляжу, всё-таки решил съездить домой к отцу. Как примерный сын, я проявлял заботу о родителях. Мама уже неделю была в Москве, пасла внучку. Так что папа был один, и готовить ему обеды стало некому. Иногда мне приходилось кашеварить. Отцу это нравится, я знаю. Заодно удовлетворю своё любопытство, а то скелеты в шкафу, недомолвки. Вот только в этот раз продемонстрировать свои кулинарные способности мне не пришлось. Разговор происходил в коридоре, отец куда-то торопился, и я застал его почти в дверях.

– Папа, скажи, что за дела у вас с Федей и Борисом и почему дядя оставил наследство именно мне?

– Значит, Борька тебе всё рассказал? Что ж, рано или поздно ты бы узнал. Слушай, сын. Я хотел стать военным, как все наши предки. Ты тоже повторил этот путь, так заведено. У брата же сердце к военному делу не лежало, ему мастерить нравилось. Он принял свою судьбу, но выбор подсказал один дед. До сих пор помню его глаза... предсказатель хренов. Он нам чуть ли не всю жизнь по полочкам разложил.

– Что за дед?

– Как началась война, в двух километрах от нас, на хуторе, женщина-беженка оставила малыша с запиской и золотым рублём. Больше она не появлялась, видимо к немцам попала или того хуже. Литовцы приютили ребёнка. Это и был Борька. В детстве, уже после войны, мы часто бродили по лесу. Искали схроны «лесных братьев». Хотели найти оружие. Однажды, осенним днём мы встретили Перкунаса, одичавшего в лесах сумасшедшего старика. Это долгая и фантастическая история. Ох, как мы тогда испугались. Старик словно видел всех насквозь и знал о нас всё. Мы тогда ему не поверили, а надо было. Всё сбылось, и ключ я нашёл и... езжай в Смоленск, посмотри, что за дом тебе оставил Фёдор. Звони, ещё увидимся.

Отец открыл дверь, пропустил меня вперёд, и мы вместе вышли на улицу. Если папа говорит, что увидимся, значит, так тому и быть. Осталось предупредить Полину, подчистить дела и в путь.

Остаток дня я посвятил бухгалтерии и налоговой, а вечером собирал вещи в дорогу. Полина была у себя дома, наверное делала то же самое. Как она решила проблему со своей работой – не интересовался. Может отпуск, но скорее всего, использовала отгулы. Уговаривать долго не пришлось, только пообещал незабываемую поездку в древний город, как получил согласие.

2. Тайная комната

Любому человеку, начиная с раннего возраста и заканчивая глубокой старостью, присуще ожидание чуда. Ребёнком, затаив дыхание и зажмурив глаза, он ждёт, что с ним произойдёт что-то сказочное: повстречается Лукоморье, станет заметно «мировое дерево» – ось мира, или хотя бы появится говорящий учёный кот. Взрослый тоже ожидает, что какое-то событие в жизни вдруг изменит всю его судьбу к лучшему. Выигрыш в лотерее, вместо камня лопата наткнётся на сундук с кладом, или, на худой конец, у коммунальщиков проснётся совесть и счета на оплату станут соответствовать оказанным услугам. Отсюда у всех народов встречаются мифы и сказания о чудесах, которые случаются с людьми. Всё это происходит оттого, что мы интуитивно чувствуем, что рано или поздно все несправедливости, случавшиеся в жизни, должны быть уравновешены, и это чудо, которое вот-вот проявится, кардинально изменит всё к лучшему. Знайте, ожидание чуда не лишено смысла.

Солнечным воскресным днём, оставив позади дорожный знак с надписью: «Смоленск», мы влились в поток машин, движущихся к центру города. Кое-как нашли нужную улицу, а с ней контору адвоката, указанную в записке. С торца двухэтажного жилого дома яичного цвета короткая лесенка с огороженным крыльцом и мутным пластиковым козырьком. Дверь закрыта, попробовал позвонить – телефон молчит. На бронзовой потускневшей пластине только минимальная информация: «Фирташ Моисей Исаакович. Адвокат»; ни время работы, ни выходных – словно, кому надо и так знают. Рядышком, в полуподвальном помещении какой-то магазинчик электроники и бытовых приборов, но и там нам толком ничего не удалось узнать, кроме общей фразы: «Приходите завтра». Ну да ладно. Один день на осмотр древнего города в качестве бонуса за длительное путешествие мы заслужили. Взяв билеты на экскурсию и, погрузившись в автобус, уткнулись взглядами за стекло, слушая не без интереса монотонную речь экскурсовода.

– Архитектурный ансамбль...

Городище Смоленск впервые упоминается в девятом веке. Аскольд и Дир, когда шли грабить Киев, точнее посмотреть на Царьград, воевать со Смоленском просто испугались, настолько огромный был город по тем временам. Однако археологи утверждают и предъявляют доказательства, что кривичи жили в этих местах и показывали кузькину мать непрошеным гостям, как минимум, лет за четыреста до бояр Рюрика. А уж когда здесь, на волоке у Гнёздово, впервые стали смолить лодки, вообще никто не знает. Мы неторопливо ехали по улицам, иногда останавливались. В эти минуты экскурсовод настойчиво просил обратить внимание то направо, то налево. Послушно поворачивая головы, любовались увиденными красотою. Более всего поразила церковь: раствор кладки сделан на яичном желтке. Восемьсот лет небо подпирает и ещё столько же простоит. Ни мародёры Наполеона, ни немецкие бомбы не смогли её разрушить. Вот же предки строили, душу вкладывали. Да и трава раньше была зеленее и деревья выше, да и многое другое. Поди, узнай что? Экскурсия закончилась через два с половиной часа. Лёгкий полдник (автобус как специально остановился напротив бистро), и мы отправились в художественную галерею Смоленского музея-заповедника. Здание, построенное век назад по проекту Малютина, переживало далеко не лучшие времена. Бывший историко-этнографический музей княгини Тенишевой держался на честном слове и стараниях его работников. Создалось впечатление, что властям до проблем культуры просто нет дела. Так и хотелось крикнуть: «Коммерсанты Смоленска! Ау! Вы где? Ну, если власти не хотят, то хотя бы вы, помогите с ремонтом здания». Стало обидно, но горькое чувство растворилось в красоте: Бенуа, Сомов, Рерих, Айвазовский, Левитан и де Сурборана. Шедевры мировых знаменитостей. Казалось, время замерло, но оно, к сожалению, строго рассчитано. При выходе из музея сразу же резкий контраст действительности. Мы столкнулись с рекламным агентом,

гордо носящим значок с символикой Евросоюза, зазывающим посетить мемориал «Катынь» на английском и польском языках.

– Тоталитарное прошлое Смоленщины! – Верещал полноватый, начинающий лысеть молодой человек в очках с золотой оправой, похожий на Егора Гайдара. – Выставка документальных фотографий!

«Ну, ну, «дружок», – подумал я, – земля Смоленщины широка и необъятна. Места для тех, кто косо посмотрит на неё – предостаточно, особенно вглубь. Такое у этой земли историческое предназначение. Не буди лихо, пока оно тихо».

Обойдя зазывалу, мы отправились к центру города, где находится одна из самых старых гражданских построек Смоленска, относящаяся к эпохе Петра Алексеевича. В маленьком, крытом красной черепицей домике размещалась кузница инженерного дома, в которой были представлены орудия труда и многочисленные изделия кузнечного ремесла прошлых столетий – холодное оружие, посуда, подсвечники, бытовая мелочь, а также кузнечный горн с мехами и наковальней. Всё это показывал и подробно обо всём рассказывал экскурсовод в костюме ремесленника – полная противоположность «катынскому» зазывале. Вот так и прошёл день: туда-сюда, посмотрели на то, на это, потрогали, примерили и дальше, где толпа, где щёлкают фотоаппараты и мелькают объективы кинокамер.

О ночлеге мы озаботились только под вечер, спасибо добрым людям, в лице официантки одного кафе. Кладёшь информации, а не девчушка. Так что благодаря её стараниям, ночевали в съёмной квартире на одну ночь. Пятьсот рублей и никаких проблем. Она же и разбудила нас, сообщив, что в срочном порядке нужно покинуть занимаемую жилплощадь. Нужно – так нужно. В десять утра мы вновь оказались возле конторы адвоката. Зашли. В приёмной никого. Тихий гул компьютера, изредка прерываемый звуком вылетающей из принтера бумаги. В углу на тумбочке стоит клетка с попугаем, но птица, похоже, спит или делает вид, что никого не видит. Другой угол занят круглым аквариумом с тройкой рыбок, лениво лавирующих между водорослями. Пока мы рассматривали водных обитателей, распахнулась дверь кабинета, и перед нами предстал его хозяин. Чёрным брюкам Моисея Исааковича мог позавидовать стилиста с Невского проспекта из далёких семидесятых; да что там стилиста, любой матрос изощлён бы слюной – они были клёш. Белую рубашку до локтей скрывали ситцевые канцелярские нарукавники на резинках, и жилетка с V-образным вырезом, без ожидаемой мною цепочки от часов, застёгнутая на три из четырёх имевшихся пуговиц. Поправив очки на кончике носа, мужчина, взглядом, полным скептицизма, как профессор сопромата смотрит на студентов-заочников, прибывших на пересдачу, оценил нас и произнёс фразу, присущую горожанам с Аптекарского переулка славного города Одессы:

– Шо угодно молодым людям?

– От Левина Бориса Борисовича. Приехали вступать в наследство. Хотелось бы заручиться поддержкой.

– А, от Богеньки, – сильно картавя, – знаю, звонил. Как он поживает? Чаю с баганками хотите?

– Спасибо, с удовольствием. Борис Борисович жив-здоров. Три дня назад изволил купаться в Чёрном море и просил передать привет, – протягивая письмо.

– Да, море. Набегежная Ялты. Кгасивые дамы... помню. – Глаза Фирташа, полные вселенской печали, вдруг заблестели.

Видимо, вспомнил что-то, старикан. Но что вспомнил – так и не сказал. Вскоре появилась миловидная девушка с подносом, отзывавшаяся на имя Сонечка и принесяшая обещанные баранки с чаем. Чертовски вкусные, кстати. За чаепитием, вникнув в суть моего рассказа, попутно прочтя записку, Моисей Исаакович протянул свою визитную карточку.

– Там на обгатной стогоне, молодые люди, мой мобильный телефон. Обязательно зайдите в магазин сотовой связи, тут, по соседству и купите модуль идентификации абонента госсий-

ского опегаго. Скажите Лёве, что от меня, так дешевле выйдет. Дом, в котогый вы поедете, не телефонизирован. На одних звонках разогитесь.

– Да уж, – пробурчал я, – роуминг кусается.

– Что мне вам ещё подсказать? Был я там пагу дней назад, – качая головой, – вгочем, сами всё увидите. Как окажетесь на месте, обоснуйте и завтра мне позвоните, а я участкового в Хиславичах пгедупгежу, что пгиехали новые хозяева. Чуть не забыл, дайте обгатно визитку, код сигнализации напишу. Всего вам доброго.

Мы раскланялись. Зашли в магазинчик за «симкой», а через дорогу в киоске, перестав полагаться на постоянно лукавивший навигатор, купили карту. В кафе заказали бутерброды и кофе в термос, в общем, подготовились к последнему рывку, занявшему у нас чуть больше часа. До Починок доехали без приключений, повернули на запад, и вот, мы уже рядом с Хиславичами. От Смоленска досюда километров пятьдесят. Давненько я здесь не появлялся, последний раз, если не изменяет память, приезжал с родителями лет двадцать пять назад. За это время практически ничего не изменилось. Хотя, нет, если присмотреться, изменения есть: детворы мало и молодёжи практически нет; а так те же дома, огороды за заборами, просмоленные деревянные столбы линии электропередачи с фарфоровыми чашечками, и какое-то спокойствие, присуще размеренному темпу поселковой жизни. На окраине по обочинам дороги виднеются холмики. Как вывалил самосвал четверть века назад две горки несостоявшегося дорожного покрытия, так и застыли они, наполовину растащенные местными жителями. Как сейчас помню слова Толика Гуцина, хоть и слабоватого на голову, зато верно подметившего: «Ничего не будет, всё своруют». Так оно и вышло. На выезде из посёлка пару раз уточняли дорогу к дому у местных бабушек, но поворот, тем не менее, проскочили, словно отваживал кто-то.

Конечная цель путешествия расположилась аккурат на поляне посреди ёлок на возвышенности правого, невероятно заросшего кустарником берега мелководной, но с сильным течением реки Сож. До ближайшей постройки, если напрямик через лес – километра два. И это коробка автобусной остановки, от которой мы минут двадцать назад свернули на еле приметную грунтовку. Уныло посмотрев по сторонам, мы вышли из машины. Начались хлопоты. Полина сразу направилась обследовать жилую площадь, а мне достались пристройки. Дом представлял собой небольшую усадьбу, огороженную по периметру каменной стеной высотой в два человеческих роста. Первое впечатление, что строение способно выдержать штурм ОМОНа. Стена сплошная, опутанная каким-то व्यюном, растущим вперемежку с ежевикой, которая, как известно, подобно колючей проволоки защищает совсем не хуже от нежелательных гостей. Двое ворот: основные, они же парадные, сдвигающиеся на полозьях, очень тяжёлые, работающие от электрического привода; и ведущие к причалу, состоящие из двух половинок без всяких изысков. Возле главных ворот пристройка с ещё одной дверью, через которую, отключив сигнализацию, мы и вошли. Казалось, дом совершенно независим от внешнего мира и был полностью автономным: на крыше солнечная батарея, змеевик системы подогрева воды и спутниковая тарелка. На заднем дворе, на двенадцатиметровой мачте, накрепко зафиксированной стальными тросами, стоял ветряк. Под ним аккумуляторная яма на сорок коробов да пара сдвоенных цистерн, заполненных водой, о чём сообщал датчик. Помимо всего прочего, отдельной пристройкой выделялась летняя кухня из красного кирпича, стоящая возле прикрытого створками колодца и обилие строительных материалов, лежащих везде, где только возможно. Спуск к причалу с проложенными до самой воды рельсами был также интересен. От ворот узкоколейка шла в две стороны: к ангару, где на импровизированной тележке под брезентом покоился катер с навесным мотором; и к поленице дров, сложенной у стены дома, к которой через мансарду примыкало ещё одно строение, похожее на башенку. Второй ангар был самым загадочным и наиболее укреплённым, в смысле капитального строительства. Одни железобетонные стены, умело спрятанные под декоративную деревянную обшивку, чего сто-

или. В нём расположился генератор с двумя станками на массивных плитах, пресс и множество всяческих заготовок, начиная от трубок, напоминавших по размеру и диаметру оружейные стволы и заканчивая простыми кусками железа. Третий ангар непосредственно прирастал к дому и, судя по размерам дверей, являлся, скорее всего, гаражом.

Наконец, после того, как был осмотрен двор, я заглянул в дом. Добротный ремонт, много дерева, никакого пластика и очень всё гармонично. Поднялся на верхние этажи и спустился вниз. После беглого осмотра я стал исследовать каждый закуток. В чулане, приютившемся в коридоре, названном мною комнатой управления, обнаружился электрический счётчик с пакетами предохранителей, вмонтированные в проём стены. Столбов с проводами возле дома не было, значит, существовал подземный кабель. Этого и следовало ожидать. Солнечная батарея вкупе с ветряком, по моему мнению, хоть и были подспорьем, но не потянули бы и половину электрической нагрузки. Мысленно поделил дом на три части. Первая – это основная, где можно жить, спать, принимать пищу и отдыхать. Вторая – это кабинет и три комнатухи под чердаком, именуемые мансардой. Третья представляла собой полуподвальное помещение с необработанной монолитной каменной стеной, по центру которой просматривался прямоугольник с хитрым замком в виде горизонтального плоского отверстия, к которому у меня не было ключей. Не будь этой щели, подумал бы, что это просто огромный валун, который дешевле было зарыть или приспособить как часть фундамента, нежели вывезти. Включил нагрев воды, мы принялись мыть и убирать. Спустя час Полина попыталась разжечь камин. Как она разобралась с заслонками в трубе, соединённой с печкой, – одному богу известно. Попытка в итоге оказалась неудачной, и пришлось всё взять в свои руки. А вскоре из ванной донеслась просьба о чае. Вроде совсем недавно утренние новости по радио передавали, а уже далеко за полдень. Времени за работой не замечаешь.

На кухне я внимательно рассмотрел электрочайник. Дата выпуска одного была прошлогодней. Видимо, кто-то был здесь после смерти дяди и привёз его сюда. А может, когда сигнализацию устанавливали, чайник и забыли. Кто его знает? Но по спине неприятно пробежал холодок. Такое чувство, что за тобой наблюдают. Надо прояснить ситуацию. Достав из сумки телефон и переставив сим-карту, я вынул из кармана визитку Фирташа. Телефон пропиликал, что сеть работает и после набора номера соединил с Моисеем Исааковичем.

– Здравствуйте, Борисов говорит. Я был у вас сегодня утром. Извините, что звоню ранее оговоренного срока, но возникла ситуация, требующая немедленного решения.

– Что случилось, Алексей Николаевич? – По голосу создалось впечатление, что собеседник спал и только что был разбужен.

– В моём доме я обнаружил дверь, даже не дверь, а какую-то стену с еле заметным прямоугольником и щелочкой, возможно, это замочная скважина к которой у меня нет ключей. Может быть, вы в курсе, где найти ключик к этому замку? А то, я как Карабас-Барабас, про дверь знаю, а...

– Алексей... я вам пегезвоню чегез минуту. Ждите.

Через минуту Фирташ не перезвонил. Позвонил Борис. Меня похвалили за внимательность и сообщили, что все ключи находятся слева от входной двери в коробке щитовой. И если бы я прочёл до конца инструкцию, переданную мне в Севастополе, то подобных вопросов бы не возникло. Попрощавшись с Борисом Борисовичем, я подошёл к встроенной в стену дверце с неудобной ручкой. Предмет поиска, похожий на автомобильный ключ-карту, только величиной с детский мизинец, как и ожидалось, висел на крючке в ящике вместе с дубликатами от входной двери и ворот. Вставил ключ в отверстие и... ничего.

«Блин, надо снова звонить. Чертовщина какая-то», – выругался про себя, вынул ключ и собрался уходить, как произошло нечто невероятное. Прямо на моих глазах стена плавно отошла вправо, точнее камень стал постепенно, слева направо прозрачным как воздух, тем самым создавая эффект движения. А ведь пока ключ был в замке, ничего не происходило. Стоило

вынуть его из замочной скважины, как началось это превращение. Я снял ремень и провёл по бывшей стене пряжкой. Пустота. Шажок, ещё один, и я остановился. То, что было внутри, поразило меня больше, чем хитрая дверь. Комната, куда я вошёл, вытянулась на семь метров в глубину и где-то на пять в ширину, с четырёхметровым, как минимум, потолком. Стены, пол, потолок, всё из серебристого вещества, холодного, с металлическим звуком (когда я стукнул ногтем), без единого стыка и шва, излучающего неяркий свет, но вполне достаточный, чтобы разглядеть любые мелочи. Слева, в паре сантиметров от стены, на уровне груди в воздухе висел прозрачный прибор, напоминающий множеством квадратиков калькулятор, где на кнопках, вместо привычных цифр и знаков светились крохотные рисунки. Под ним на полу лежал конверт из светло-жёлтой бумаги. Подобрал его, пулей выскочил из комнаты и, обернувшись, увидел, как абсолютно бесшумно произошло закрытие двери.

«Вот дурень! – пронеслось в голове. – А если б я застрял в этой комнате как в лифте? Полина с ума бы сошла, разыскивая меня».

Постояв с минуту, я ещё раз использовал ключ, наблюдая, как откроется дверь. Всё прошло без изменений. Стена ушла, прибор на месте. Невероятно, но факт. Ещё одна попытка, но уже с включённой камерой телефона. На записи ничего, просто стена из камня, хотя видна моя обувь, носки которой словно отрезало. Проверил телефон, камера работает, а вот момент открытия двери и то, что внутри не снимает. Поднявшись в комнату с камином, я увидел Полину с полотенцем на голове. И с ходу был озадачен упреком, не успев поведать о своих приключениях.

– Вода ржавая, думала чокнусь, пока слила эту муть. Ванну надо заменить, краны и трубы тоже. Прошлый век!

Сказано было так, будто ничего важнее этого не существует.

– У меня для тебя есть сюрприз. Похоже, мы в такой переплёт попали, даже не знаю, как сказать.

– Правда? Какой?

Мы сели на диван и вскрыли конверт. Там было письмо дяди Феди.

«Приветствую. Если ты нашёл письмо, значит, моё время пришло, и сюда я больше не вернулся. Ты единственный, кто может воспользоваться временно-пространственной машиной. Да, да, не протирай глаза. Этот механизм делает то, о чём я написал, а именно, переносит во времени и пространстве. Кто её создал, я так и не узнал. Тайну её местоположения мне открыл странный старик, я долго в это не верил, пока судьба не забросила меня в этот дом. Знаю, что ты мой родственник, даже догадываюсь кто; иначе ты бы не вышел из комнаты живым. Так я потерял своего друга, Альгирдаса, молочного брата Бориса. Однако сантименты в сторону. Эта машина единственная на земле, но комнат входа-выхода из неё несколько. Первая в этом доме, вторая в Крыму в Балаклаве, третья на острове в районе Тёплого озера, но она завалена камнем. Четвёртая в Бресте, пятая закрыта, она под водой. Для перемещения нужно дотронуться до рисунка, похожего на перевёрнутую букву «Я», вроде как зажигание включить. Насколько я понял, это руна пути. Затем год, месяц, день, час, минуты и руны комнаты, она высвечивается над дверью. Всё опирается на циклы вращения Земли вокруг звезды Солнце. Почему так, не знаю. Похоже, у создателей была двенадцатеричная система счисления. Но я долго экспериментировал и разгадал эти каракули, после чего выработал приемлемый алгоритм, близкий к нашему счислению, и перевёл символы в привычные цифры. Например, наберёшь десятки, переместишься почти на одиннадцать лет назад. Календарь используй от Рождества Христова, так проще. Сопоставь рисунок на обратной стороне листа с кнопками панели управления, и всё станет понятно. Прибавлять к настоящему времени нельзя, такого символа просто нет. После того, как ты нажмёшь на «Я», дверь в комнату закроется, нажмешь последнюю цифру, через несколько секунд дверь нужной комнаты откроется. Если ты надумаешь вернуться в прошлое в тот самый момент, откуда совершил обратный переход, просто нажми на

клавишу с кружком. Поверь, это очень удобно. Время в той реальности, откуда ты прибыл, для тебя не изменяется. Как бы ты никуда и не уходил. Но есть и побочные эффекты, справиться с которыми очень сложно. Срок пребывания в прошлом ограничен, ты просто чувствуешь, что нечто начинает тебя выталкивать назад. Пусть это лишь моя теория, но я смог выдержать лишь чуть больше пяти лет. Испугался? Ладно, не всё так плохо. Возврат в комнату первоначального движения осуществляется нажатием на руну, похожую на песочные часы, она светится красным, и номер двери. Также можно перемещаться из одной комнаты в другую. Каждая из них вмурована в монолитный камень. На поверхности это обыкновенный кусок скалы, гораздо меньших, чем комната, размеров. Дверь замаскирована каким-то излучением, но при приближении ключа она становится видна. Теперь пара советов. Не пытайся попасть в глубокое прошлое (кстати, раньше сотворения мира не пробиться, думаю, тогда и была создана эта машина) и как-то изменить ход истории. Кто знает, чем это обернётся для того мира в будущем. Знай, всё, что должно произойти – случится так или иначе. Видимо, наш вариант истории самый оптимальный. Впрочем, решать тебе. Дерзай, помогай людям, будь честен, делай добро, борись со злом, в общем, живи как нормальный человек. Прощай.

Р. S. Мой друг Борис сообщит тебе секретный код. В своё время я открыл счёт на предъявителя. Надеюсь, это избавит тебя от ненужного поиска богатств. И ещё, всегда носи с собой ключ, проблем с языками не будет. Никого не посвящай в тайну машины времени. Выполни мою последнюю волю».

– Вот, последнюю волю я уже не смогу выполнить. Прости, дядя, Полина читала письмо вместе со мной.

– Романтично. Я почти поверила. Какие ещё сюрпризы?

– Да никаких. Можешь сама посмотреть, вот, ключик. Кстати, произнеси несколько фраз по-французски. Что-нибудь сложное.

Prestige, Illusion, la Magie et la Fable:
Tout vient vous rendre hommage et tomber à vos pieds...
Et l'on sent, quelque part que vous apparaissiez
Que la Vérité seule est vraiment adorable.

Полина процитировала несколько строк какого-то стихотворения, смысл которого я не понял. В нашей реальности ключик работал только по своему назначению.

– Помог артефакт? Очарование, иллюзия, колдовство и легенда – все приходит воздать вам должное и пасть к вашим стопам... Но где бы вы ни появились, чувствуется, что одна лишь Истина действительно достойна восхищения. Учись, студент! Путешествие во времени, сколько соблазнов... – Полина задумалась и продолжила: – Стоп, сколько опасностей! Сам смотри, нас и здесь неплохо кормят.

Через мгновение Полина стала дёргать меня за руку.

– Лёша, это розыгрыш? Правда? Ну что ты молчишь?

Полина так и не поверила мне до конца, что это не шутка, особенно после фиаско с французским. Тем не менее, до самого заката мы очень серьёзно обсуждали свалившееся на голову открытие. Событие явно не ординарное, и воспользоваться таким подарком стоило с большой осторожностью, вот только взвешенное решение никак не приходило. Спор затянулся, грозясь перейти в более острую фазу, как я в шутку предложил, что Полина могла бы стать координатором на базе, а я как герой арабской сказки из пещеры приносить раритеты прошлого. Естественно с оговоркой, где предпочтение отдавалось жёлтому металлу с «лучшими друзьями девушек». Как ни странно, но это предложение не только положило конец обсуждению, а даже сплотило нас. Как только мы стали обладателями тайны, сразу возникло чувство опасности, что её кто-то захочет узнать. Перемещаться во времени мог только я, и Полине это не понра-

вилось. Но и умереть в комнате ей не хотелось, а проверить стало страшно. Так что пришлось ей с этим смириться. Засунув письмо в конверт, я решился снова потревожить Бориса. Мне нужен был совет, секретный код и очень захотелось вернуться домой в Севастополь. Вот только желания оказались настолько предсказуемые, что я даже не удивился, когда Левин сообщил о переводе некоторой суммы денег в банк Севастополя, в котором я обслуживался, заранее якобы предвидя ситуацию. Также он посоветовал не делать дорогих покупок, ибо лёгкие деньги развращают, а они требуются для более важных дел. Каких, не уточнил. Однако номер кода по телефону говорить отказался. Нехотя сказав, что сам находится в Смоленске и передаст только карточку при встрече.

Утром, пока Полина просматривала сон про небо в алмазах, я отправился в комнату с машиной времени и нажал на кнопку, которая судя по рисунку, соответствовала цифре «два». Это был номер комнаты. Захотелось проверить теорию на практике. Спустя мгновение дверь открылась. При выходе наружу моему взору предстала Балаклава. Отлично знакомый с детства ориентир спутать с чем-либо было невозможно. Дверь находилась у подножия горы, в паре километров от генуэзских развалин, хорошо, что не над обрывом и в противоположной стороне от карьера. Внимательно осмотрев место, я сложил из камней небольшую пирамидку, как раз напротив двери. Здесь нужно будет построить дом или сарайчик, дабы скрыть портал от посторонних глаз. Вскоре я снова был в своём доме под Смоленском. После быстрого завтрака мы стали собираться в обратный путь. Отключая все ненужные приборы, из озорства заглавными буквами написал на бумажке «НЕ ВХОДИТЬ, ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ» и повесил листок на двери чулана.

Обратная дорога ничем примечательным не запомнилась. Возле конторы Фирташа мы встретились с Борисом. Адвокаты лечились холодным пивом в кафе. Моисей держал в одной руке на четверть наполненную кружку, а второй протирал влажным платком лоб. Состояние Левина было не лучше, одно отличие, что возле него на столе лежала газета с горкой вяленых кальмаров, и он с периодичностью часового механизма запихивал в рот закуску. Хоть и тяжело было обоим, но свои профессиональные навыки юристы не пропили. Полчаса не прошло, как я получил пластиковую карту вместе с напутствием не делать необдуманных поступков и пожеланием удачи. Нас ждал Севастополь. Время было дорого и невзирая на Полинин скептицизм, я решил серьёзно готовить базу номер два.

3. Другой мир

По приезду в Севастополь я позвонил в строительную компанию, где работал мой одноклассник, и договорился о встрече. Заказов у почитателей кельмы и молотка не было, не в ту политическую партию владделец вступил, и за меня взялись со всей тщательностью. В течение двух недель мне пообещали уладить земельный вопрос в Балаклаве. Никому не приходило в голову продавать участки на скалах без вида на море, но всё когда-нибудь происходит в первый раз. Когда же вопрос разрешился, возникла другая, самая дорогая проблема – дорога. Ближайшая грунтовка проходила в четырёхстах метрах от объекта по долине, и дабы к ней подсоединиться, надо было скрыть часть горной породы, чем строители и занялись. Небольшая взятка нужным людям и обязательная закупка по запредельным ценам тротуарной плитки открыли зелёный свет началу работ. На строящейся по соседству федеральной автостраде ширина полос уменьшилась на один сантиметр, в асфальт добавилось чуть больше щебня, зато появилась «шикарная» дорога к возводимому дому. Интересно, а при строительстве МКАД кто-нибудь проводил исследования на прочность асфальтобетонной смеси, измерял ширину покрытия? Думаю, вопрос риторический. Оставшихся денег хватило на одноэтажный сборно-щитовой домик, примыкающий к скале. Пришлось снова звонить Борису. После денежного перевода на фасад нанесли каменную облицовку, подвели водопровод и электричество, а вместе с этим привезли табличку с номером дома и названием улицы. Полина купила необходимую мебель и только тогда поверила, что машина времени существует, когда по окончании празднования новоселья, в конце дня я отдал ей забытый в поездке контейнер с рассадой фиалок. Тех самых, которые она покупала ещё в Хиславичах. База номер два была готова. Мы стали думать о моём путешествии в прошлое. Разрезали картонку на квадратики, написали цифры от десяти до двадцати и, перетасовав как колоду карт, разложили веером. Полина не глядя, ткнула пальцем в картонку, а когда её перевернули, обнаружили чёртову дюжину на глянцевой поверхности. Любопытное время, причём с минимальной информацией о нём. Сплошные догадки и предположения, основанные на летописях да народных преданиях. Последние зачастую более надёжны. История ведь, как та дорога, изобилующая перекрёстками и извилистыми тропами. В одних местах стоят указатели и межевые столбы, по которым мы помним события и значимые даты. А кое-где и этого нет в помине. И если быть объективным, то тринадцатое столетие не пестрит табличками со стрелочками.

Вскоре, мы придумали несколько планов. Как позже выяснилось, один нелепее другого. Почему так? Да потому, что опыта в подобных мероприятиях у нас не было. Ведь если разобратся, то даже самые продуманные и взвешенные проекты имеют массу недочётов, исправляемых по ходу действия. Хорошо, если это совершают специалисты, а если нет? Взвесив все за и против, оставили два. Подкинули монетку, и было решено отправиться в тринадцатый век, чтобы выкупить у церкви несколько икон. Согласно разработанному плану, под видом византийского купца я должен был подобраться к Смоленску. Оказаться на рынке города, продать оптом какой-нибудь ходовой товар и, завладев иконами, отправиться обратно. Наивность мероприятия «Византиец» была стопроцентной, но тогда я об этом не знал. Полина хотела сделать дар недавно построенному храму в Керчи, да и мне самому было интересно побывать в средневековье этого периода.

На протяжении нескольких лет, раз в неделю, я занимался с севастопольскими любителями старины фехтованием. Пробовали щитовой бой, стрельбу из арбалета и лука, участвовали в ролевых играх. Оружие и доспехи в основном самодельные, то, что склепать в гараже было не реально, изредка заказывали индивидуально в кузнице при заводе Муссон. Но всё это походило на игру и весёлое времяпровождение. У меня же появился шанс увидеть всё, с чем мы играли, своими глазами в оригинале. Началась подготовка. Дабы не заблудиться, для

уточнения карты местности было решено воспользоваться воздушным шаром с закреплённой видеокамерой. Конечно, использовать радиоуправляемый мультикоптер куда удобнее, только все прелести нашего бюджетного аппарата перечёркиваются его максимальным потолком в триста метров и временем работы при отсутствии ветра в четверть часа. Профессиональная же техника убивает с ходу своей непомерной стоимостью. Так что, съездив на метеостанцию, я приобрёл всё необходимое для запуска шара, а также прошёл инструктаж. Следующий вопрос, которым стоило озадачиться, касался товарно-денежных отношений. В первую очередь то, что наполняет бумажник и всегда под рукой; и собственно сам товар, который не должен стеснять объёмом и напрягать массой путешествующего налегке путника. В общем, вся наличность должна уместиться в ладонях и, как подсказывали средневековые рисунки – храниться в небольшом мешочке на поясе, что и было сделано. Туда вошли современные предметы из низкопробного серебра: кольца, кулоны, серьги. Пара десятков мелких посеребренных сувенирных монеток, якобы отчеканенных в Греции, и с десяток, уже крупнее, дирхемов из Средней Азии. На оптовом складе мы закупили шёлковые национальные китайские рубашки разнообразных цветов и какие-то платки. Это был основной товар и прикрытие легенды. Открытым оставался лишь вопрос транспорта. Лошадь, как, впрочем, любую живность, через портал не провести – погибает. Опыты с крысами прошли неудачно, а более крупным зверьём я уже не рисковал. Так что лучше, чем использовать мотоцикл, снабжённый прицепом в виде двухколёсной телеги, мыслей не приходило. По крайней мере, мы планировали возможность преодоления на нём большей части пути, а при подъезде к обжитым местам действовать по обстоятельствам. Прицеп был снабжён телескопическими оглоблями и гибким хомутом, что позволяло катить его по дороге самостоятельно, либо впрячь кого-либо. Обсуждения доходили вплоть до того, что рассматривался вопрос – нанять или купить тягловую силу вместе с погонщиком. Ещё одним немаловажным моментом являлась одежда и собственная безопасность. В ателье мне пошили несколько просторных рубах из льна, на мой взгляд, подходящих к любой эпохе, где присутствует ткацкий станок, и на этом всё застопорилось. Обмундирование хотелось иметь практичное, удобное в носке и многофункциональное. Однако мои запросы во многом превосходили собственные финансовые возможности и реалии портного, кожевенного и кузнечного искусства. Надпись на этикетке: «Сделано вручную» теперь наполнилась несколько другим, более материальным смыслом. Пришлось занизить планку аутентичности и не опираться «под старину». Палатку и прочую амуницию, пусть и современную, зато более подходящую к какому-нибудь походу по буреломам тайги, купить проблем не было, сложнее оказалось с остальным. С неделю я толкался в военизированных лавках, познакомился с разными интересными людьми – и пошло-поехало. Пусть и не совсем легально, но я стал обладателем бронежилета, усиленного титановыми пластинами; охотничьего карабина с глушителем, сабли из современных сплавов и каски. Те же «интересные люди» свели меня с работником стрелкового клуба, и вскоре, через этого посредника, пистолет с грозным названием «Бердыш» мне продали милиционеры. По-моему, этого было более чем достаточно.

Накануне путешествия, листая страницы компьютерных файлов, мы обсуждали детали одежды, статус пешехода и всадника, можно ли носить оружие и множество всяких мелочей. Было ощущение чего-то упущенного, возможно, необычайно важного, но в итоге решили, что первый блин всё равно будет комом и пробовать надо так, как есть. За час до перехода я проверил оружие и свёртки. Похоже, у нас получилось собраться на все случаи жизни. Аптечка, баллон с газом, упаковка шаров, видеокамера, блокнот с цветными карандашами и ноутбук для просмотра съёмок поместились в прицеп мотоцикла вместе с товарами для аборигенов. Мы присели на дорожку, поцеловались – и в путь. Перенос в комнату «один», как мне показалось, прошёл несколько дольше по времени, чем когда я путешествовал без багажа. Видимо, масса переносимых предметов играла какую-то роль. Выйдя из комнаты, я осмотрел дом. Прошло полтора месяца с момента нашего отъезда. После нас тут никого не было, и немного покрутив-

шись, я направился обратно, ввёл двенадцать, тридцать девять, потом ноль, пятёрку и наобум ещё две цифры – время суток.

* * *

Невдалеке прокричала птица. С устья дохнуло на похолодевший и затененный курган теплым воздухом, от реки поднимался пар. Небо над водой потемнело на мгновение, но этого вполне хватило, чтобы и лес напротив, и холмистое поле, поросшее вековыми елями вдаль за болотом, и гранитный клин на склоне кургана охватили сумерки. Потом внезапно снова посветлело. А вокруг белого облака, тающего с каждым мгновением, засияла, чуть ли не всеми цветами радуги широкая полоса. Солнце взошло. Полюбовавшись природой, я сделал несколько шагов вперёд и стал осматриваться. На холме возвышался кусок скальной породы, словно памятник на срезанной верхушке кургана с плоской, как школьная доска, фронтальной стороной. Обойдя вокруг камня, я изменил своё представление. Это был не холм, а какая-то пометь с плато. Площадка, где находилась скала, имела форму эллипса, с незначительным эксцентриситетом. Большая полуось, идущая от двери портала, длиной десять-двенадцать шагов, и малая, не больше восьми. В противоположную от реки сторону простиралась поляна в форме следа подошвы, оставленного каким-то великаном, и через полсотни метров начинался лес. В принципе, так, как и в моё время, только река тут вроде гораздо шире и берег круче. Тем не менее, не эти открытия поразили меня больше всего. У опушки чащи лежало несколько десятков срубленных деревьев, очищенных от веток с корой. Причём, судя по тому, что стволы не повело, заготовили их недавно, прошлой или позапрошлой зимой. Не более двух лет назад. То есть люди здесь были и, возможно, придут снова. В этот момент я с полной остротой осознал то чувство, которое испытал герой Дефо, увидев след на песке. Но это был не страх, а максимальное обострение всех чувств. Что бы там не говорили психологи, а первая мысль, пришедшая мне в голову, была о защите моего камня. Подобно хищному зверю я обошёл портал вокруг, всматриваясь в темноту леса. Именно тогда я почувствовал, что это место моё и за просто так никому отдавать его не собираюсь. Оставив мотоцикл рядом с порталом, я высмотрел подходящее место для запуска аэростата и стал разбирать вещи. Камеру, с приличным объективом, включённую на запись, переложил в контейнер. С помощью карабинов закрепил ее к сетке. В неё засунул оболочку аэростата, снабжённую как велосипедная камера ниппелем, и, всё это соединил с тонким капроновым тросом на тысячу метров, намотанным на лебёдку мотоцикла, длиннее не надо (дальность линии горизонта при подъёме на тысячу метров приблизительно сто тринадцать километров). С помощью газового баллончика надул первый в этом мире воздушный шар, и он взмыл в воздух, потащив за собой аппаратуру. Барабан лебёдки закрутился, и когда фиксатор щёлкнул, сообщая, что трос с бобины размотался полностью, я включил лебёдку на сматывание. Под гул электромотора, шарик стал возвращаться с ценным грузом ко мне. Разобрав контейнер и подключив камеру к ноутбуку, я принялся рассматривать местность, снятую с высоты. Вообще-то был интересен кадр, зафиксированный на высшей точке полёта, именно он давал наилучшую возможность взглянуть на то место, где я оказался. Но есть и обратная сторона у этой медали. Тут приходится жертвовать качеством, чем выше – тем меньше видно деталей. Они, конечно, важны, но не сейчас. Мне была нужна общая картина.

– Приехали! – вырвалось у меня.

Согласно нашим с Полиной расчетам, путь до Смоленска должен был занять сутки, максимум двое. День провести в городе – и назад к камню. Но получилось как у Толстого: «Чисто писано в бумаге да забыли про овраги, как по ним ходить». Привычной дороги, которая отложилась у меня в памяти, не существовало. Они как таковые отсутствовали. Если и были тропинки, то не мудрено, что я их не заметил, так как вокруг простирался перечёркнутый извилистыми ручейками и речками зелёный ковёр леса, разбавленный нередкими пятнами болот

и проплешинами полян. Как же отсюда выбраться? Только по реке, либо вдоль неё, и то, если сможешь продрасть сквозь кустарник и повезёт с берегом. Разобравшись со своими переживаниями и поняв никчёмность четырёхколёсного друга, я стал просматривать съёмку дальше. Камера засекла семейство оленей, пьющих воду у изгиба реки буквально в километре от меня, где заболоченная низина заросла влажнотравьем; да длинную лодку, идущую на вёслах по извилистой ленте воды, рядом с притоком Березины. Так как ближайших от меня крупных населённых пунктов кроме находящегося южнее в тридцати пяти километрах Мстиславля я не знал, то предположил, что ладья направляется туда, либо, что маловероятно, к слабозаселённым берегам Верхнего Сожа. Отсюда по меркам двадцать первого века до Днепра было рукой подать, но в моём настоящем, на севере, Сож никоим образом не связанная с этой рекой, и маршрут этот я посчитал как тупиковый. До крупнейшей водной артерии в этом направлении теоретически ладья могла добраться только посредством волока через заболоченную Нагать. Любой другой вариант подразумевал поворот назад и без особого труда сплав вниз по течению. Чего уж гадать? Оставив право выбора направления на совести лоцмана, да и лодка была слишком далека, чтобы учитывать ничтожную вероятность нашей встречи, я стал искать возможные просеки и звериные тропы в лесу и вскоре бросил это занятие. Нереально. Есть поляны и выгоревшие участки леса, но так, чтобы они соединялись между собой естественным путём и вели на север, не получалось. Раз сухопутный путь через лес отпадал, нужно возвращаться, искать средство передвижения по реке и пробовать новый вариант путешествия. Накрыв мотоцикл брезентом, хоть какая, а защита от птиц и зверей, я поснимал на камеру местный пейзаж и вставил ключ в дверь.

Полина сидела на диване, смотря местные новости по телевизору.

– Ну как, что привёз? Я знала, что ты обернёшься быстро.

Ещё бы, ведь тут время не меняется, пока я там. Те полчаса, которые были потрачены на осмотр и сравнения береговой линии базы номер один, прошли и в Севастополе.

– Ничего, – ответил я, – там всё не так. Как другой мир.

Достав ноутбук, я показал Полине отснятый сюжет. Тут же мы спроектировали рисунок местности, наложили на карту двадцать первого века, подправили ландшафт и распечатали на бумаге. На новой карте проложили водный маршрут, надеясь, что до Днепра я как-нибудь доберусь. Ведь сто километров извилистой реки для современного вида транспорта – ничто. Три-четыре часа, если бензина не жалко. Осталось только с этим транспортом определиться. Катер из сарая, не разрушив стены дома, я перетащить в комнату перехода не смогу, значит, выбор должен помещаться в рамках чего-то компактного. Переодевшись, мы поехали в магазин за надувной лодкой. Опыт в эксплуатации имелся, небольшой, но вполне достаточный, позволяющий уверенно себя чувствовать на воде. По дороге наскоро перекусили в рыбном ресторане, заехали к знакомым, а когда добрались до салона, то застряли надолго. Не то, чтобы был большой выбор, напротив, ассортимент оказался скудным и с очень великим разбросом цен. Бюджетную лодку брать не имело смысла, а роскошную, которая понравилась, не позволял тощий кошелек. Мы уже собирались уходить, как владелец магазина предложил существенную скидку на дорогую модель. Кто-то вернул купленный товар назад, попользовавшись им с полгодика. Вот эту лодку мы и приобрели. Многоместную, с мощным мотором, прошедшую модернизацию и бог весть ещё что. Карточка опустела на четыре с половиной тысячи долларов. Продавец честно предупредил:

– Волнение в три бала плавсредство перенесёт, более не рискуйте.

Почему лодку обозвали «Стриж», предстояло ещё выяснить. Рекламный ролик, показанный в магазине, впечатлял скоростью и манёвренностью. Видимо, эта юркая птица так и летает, посмотрим, соответствует ли резиновый собрат пернатому тёзке? Впрочем, соревноваться мне будет не с кем, а то, что лодка была оборудована эхолотом, навигатором, компрессором, дополнительным баком для бензина, вёслами, шестью спасательными жилетами и даже

рацией, несомненно, только прибавляло ей плюсов. Менеджер пообещал сделать диагностику двигателя, и, не дожидаясь, когда покупку погрузят в «газель», сразу поехали домой. Вскоре мы были в Балаклаве, а через пару часов привезли наше приобретение. Кое-как вдвоём с Полиной и тележкой на колёсиках мы доставили сумку с лодкой, мотор и прочие «прибамбасы» до комнаты перехода. Переодевшись, я отправился осуществлять вторую попытку. Только в этот раз торопиться не стал.

* * *

Нет, от плана «Византиец» я не собирался отходить, просто с момента обладания такой замечательной находкой, мне захотелось как-то олицетворять портал с собой. Взыграло чувство собственности – и всё тут! Ещё в первую поездку в сарае я обнаружил разборный шатёр, незаменимая вещь для отдыха на природе с большой компанией. Так чего ему там пыль собирать? Первым делом пришлось пробурить ручным буром несколько скважин в земле и установить крепления для каркаса палатки-шатра впритык к камню, из которого вышел в этот мир. Затем очередь дошла до крыши со стенками, натянул тросы, и, спустя час уже можно было осмотреться изнутри, проверяя молнию на тыльной стороне. Расстегнув её, не сложно было воспользоваться практически всей шириной и высотой двери. Это меня устраивало, но до поры до времени. Стоило походить вокруг, посмотреть, как руки стали чесаться, что-нибудь усовершенствовать. Кое-какой строительный материал у меня оставался, вот он и пошёл в ход. С обратной стороны монолита я установил параллелепипед из деревянных брусьев. Вот на него и легла оставшаяся не у дел маскировочная сеть, надёжно скрыв мотоцикл с остатками строительных материалов и досок. На этом я решил остановиться. К чему возводить что-то капитальное? Удастся задуманное, поставлю на этом месте какую-нибудь сторожку, а пока, крыша над головой есть – уже порядок. Дело стало за лодкой. Какое же величайшее изобретение человечества – тележка. Сколько сил, времени и нервов она сберегла, даже судить не берусь. У самой воды я развернул баул со всеми комплектующими «Стрижа», перенёс мотор и стал устанавливать аккумулятор. Пока компрессор накачивал пузатые борта, вставил в пазы дополнительный бак и залил бензин. После всех этих манипуляций, лодка аккуратно вошла в воду, а я потянул тележку обратно. Сделав пробный круг и удовлетворившись испытаниями, я притянул лодку к берегу с помощью троса на заранее установленном поплавке. В принципе, всё, а пока перекусить. Конечно, можно было обойтись и бутербродами, но трапезничать я предпочёл основательно, за столом, с набором посуды и несколькими блюдами. Так что пришлось и мангал ставить и стол со стулом сооружать. Вернее перенести всё готовое из моего времени. Старый стол с лавками, занимающий только место в сарае и чудом не пущенный на дрова, я точно использовать не буду. Как, впрочем, и двухпудовый кованый мангал, с треснувшей решёткой. Самое место им здесь. Во-первых, не жалко, а во-вторых, пользу ещё могут принести. В общем, обед удался на славу: и картошечка пожарилась, и мясо с овощами запеклось как надо, да и я поел с аппетитом. Теперь надо было перенести на борт резинового корабля подготовленные к продаже в Смоленске брезентовые сумки с рубашками, укрыть груз и на заре отправиться в путешествие. Но сначала положить поближе к себе стилизованный под плащ балахон с капюшоном, пошитый из плотной мешковины. Если что, просторная материя не только скроет мой неестественный для этого времени костюм, но и согреть сможет. Утром довольно прохладно, и повторять недавнюю ошибку я не собирался. А пока выдалась свободная минутка, решил облегчить себя от выпитой жидкости. Не успел я сделать и нескольких шагов после нужного дела, как вдруг кто-то окликнул меня:

– Эй, на берегу!

От неожиданности я вздрогнул, но взяв себя в руки, стал оборачиваться на крик. Деревянный корабль, с чёрными смолистыми досками, положенными внахлёт, находился в трид-

пяти-сорока метрах от меня. Солидный такой, по сравнению с моей «надувнушкой». С поднятым на слегка согнутой к воде рее разноцветным парусом, едва полощущимся из-за слабого ветра. Впрочем, даже лёгкий ветерок позволял кораблю справляться с течением и, что удивительно, продвигаться вперёд, правда, не быстрее половины или четверти узла. Фактически судно дрейфовало на середине реки, и тому были свои причины. Видимо, подойти ближе к берегу было чревато из-за соображений безопасности. От них, с такого расстояния стрела долетит до суши меньше чем за секунду, а вот нож, который можно незаметно спрятать в рукаве, добросить с берега весьма проблематично. Поскольку видимый противник всего один, то все тактические преимущества, несомненно, на стороне команды корабля. На носу у изогнутого форштевня стоял пузатенький мужичок в выцветшей зелёной рубашке, опоясанный широким поясом, закрывающим практически половину живота. Рядом с ним находились два стрелка с луками наизготовку.

– Здравия желаю, люди добрые, – подтягивая шнур панамы, говорю я, – куда путь держите?

Ответил и мысленно стукнул себя по лбу. Музыка послушал, называется. Ладно, бог с ними с этими наушниками, но как можно было забыть про реку? Неужели это тот корабль, который я видел на записи камеры? Правой рукой расстегнул ремешок кобуры, снял с предохранителя и приготовился вытащить пистолет.

– Кто таков? Почему шатёр на нашей стоянке поставил? – донеслось с корабля.

Вопросы, заданные мне, были как минимум понятны, значительного речевого барьера не было. Как мне показалось, именно из-за наличия ключа я прекрасно понимал сказанное, только, к сожалению, полноценно говорить на том же диалекте старославянского языка не мог. Хотя речь очень схожа с болгарской или даже белорусской, тем не менее, попытка подстроиться и произнести пару фраз про себя с моей стороны выглядела ужасным коверканием языка. А то, что «шатёр» и «стоянка» произносятся ими близкими по смыслу словами, то это не существенно. Для аборигенов я был начавшим изучать язык иностранцем. Однако в сторону эти лингвистические рассуждения, тон мужичка был угрожающим и ничего хорошего не сулил. Пришлось мелкими шажками отходить назад. Плохо будет, если с ладьи был высажен десант, и он зайдёт с тыла. Сам бы сделал именно таким образом. А может, никакого десанта и нет, хотел же найти попутчиков, чтобы добраться до Смоленска. Так вот они. С другой стороны, таких ребят в спутники лучше не приглашать, банда какая-то. Разговор с претензией начали, впрочем, может, они в своём праве и тут так принято. Хотя, если по поводу стоянки разобраться по существу, то о чём речь? Неудобно здесь причаливать, за исключением того места, где покоилась моя лодка, и пары-тройки метров возле неё. Если не брать во внимание пойму, то береговая полоса слишком узка, к тому же за ней сразу начинается пригорок, а в половодье здесь вообще всё должно быть под водой. Левее кремниевый уступ, помимо пары валунов и более мелких камней принявший на себя несколько разломанных деревьев с последнего ледохода. Их обломанные ветви торчат как шипы дикобраза в разные стороны. Пусть и не пробьют борт, то навредят уж точно. Правее – ещё хуже. Иными словами, кому приспичит, так на противоположном берегу причальное место искать всяк сподручнее. Следовательно, про стоянку мужичок лукавил, знать и напоминание о шатре не имеет оснований. С этими мыслями отступление закончилось, моя голова была выше уровня борта ладьи, и мне представилась возможность рассмотреть весь экипаж. Помимо мужичка в зелёной рубашке, колоритного кормчего с бородой до пупа, стоящего также в полный рост, и десяти пассажиров на ладье была дюжина гребцов. Итого, навскидку двадцать четыре человека. Слишком много, даже для такого большого судна. Те, что с луками – в кожаных доспехах, типа короткого фартука из широких кусков, наложенных друг на друга как черепица. При четверых виднеются на поясах длинные ножи, похожие на скрамасакс или что-то вроде того. У остальных оружия нет, да и верхней одежды тоже. Ближе к корме судна от самой мачты натянут тент из сшитых шкур весьма потрёпанного

вида, что происходит под ним, мне не видно. Закончив этот беглый осмотр, я попытался проанализировать ситуацию с точки зрения своей безопасности. Бронежилет я не снимал, надо было привыкать к весу, так что попадания стрелы в корпус можно было не бояться, но ноги, руки и голова оставались открыты. Хотя, чего я испугался? У меня огнестрельное оружие, если не перебею как сусликов самых прытких, так к камню добежать всяк смогу. Наверное, это и придало мне уверенности, несмотря на возможный десант в тылу, который путал все карты.

– Это моя земля, мой шатёр и я здесь хозяин. Звать меня Алексей. Если не по нраву, то идите дальше. – Как можно громче крикнул в ответ, жаль, получилось не очень грозно.

– Меня кличут Пахом сын Ильи, – подал голос мужичок в зелёной рубашке, – я гость из Новгорода. Алексей, ромей, что ли? Говоришь диковинно.

– Не ромей я, русский, сын Николая из Мурманска.

Вот ещё, причём тут ромей, ну греческое имя, защитник означает. Но кто за язык-то тянул? Вся затея с византийским прикрытием пошла прахом. Растерялся и не смог соврать. Однако отрицание его предположения ни сколько не удивило оппонента. Лишь вызвало усмешку.

– Лады, «не ромей» Алексей, дозвожь пристать к твоему шатру. – Пахом показал за своей спиной раскрытую ладонь. Знак означал, что ротозея куда вязать не будем, всё слишком мутно и надо осмотреться. Показал бы кулак, история закончилась бы, не успев начаться. – До вечера к Погоновичам мы не успеем. Устали гребцы. Добро?

– Милости прошу к нашему шалашу. Только негоже оружием угрожать, пусть луки твои люди опустят. Причаливайте левее моей лодки. Вас никто не тронет.

Рея с парусом поползла вниз, разместившись на специальных стойках, похожих на большие рогатки, после чего на ладье сделали пару гребков, и она упёрлась носом в песок под острым углом к берегу. Как раз в единственное доступное место. Видимо, стоянку купец знал, не соврал. Гребцы без команды стали сушить вёсла и складывать по бортам судна. На берег соскочили двое с ножами, лучники остались на месте, стрелы держали в руках, головы задраны, посматривают, кабы кто сверху не появился. Вскоре с ладьи спустили сходню, и по ним сошла часть команды, сразу направившись к террасе возле леса. Хотя, на мой взгляд, могли бы и перепрыгнуть через борт. Не такой он и высокий. Купец ступил на землю одним из последних. Остановился и стал внимательно рассматривать резиновую лодку. Остальные косились на выкрашенный, корявый, по их мнению, плот, чуть в стороне от хозяина. Надо было завязать разговор, да хоть выпить, что ли, предложить, но только не молчать.

– Откуда путь держите и куда идёте, Пахом Ильич? – Нашел выход из положения, не придумав ничего лучшего.

– С Деличей идём, в Мстиславле были давече, – отвечал купец, – завтра в Погоновичах поторгуем, затем в Ковшарах, а оттуда уже и к Смоленску подадимся.

– И как торг?

– Да какой там торг, – Ильич махнул рукой, – так... звук один. Все только продавать хотят. Не желают людишек брать, дорого, говорят. А поди, попробуй их излови сначала. Евстафий, – крикнул Пахом Ильич, – выведи полон. Неча им в ладье париться.

Пленников вывели на берег и усадили подальше от основного лагеря, рядом с валунами. По одному их виду стало понятно, отчего торговые дела у купца не блещут. Тем временем новгородец приблизился к тележке, внимательно осмотрел колёса, принялся, стукнул ногтем по металлу, удивился, а потом подошёл к надувной лодке. Разглядывая её несколько минут, он потрогал пальцем борт и, когда ощутил мягкость резины, отдернул руку.

– А что это у тебя такое? На плот не похоже, борта пузатые как брёвна, вёсла короткие.

– Это самодвижущаяся чудо-лодка. Пахом Ильич, хочешь, прокачу на ней с ветерком?

– И на что мне это? С ветерком, мне и своей ладьи хватает. – Явно заинтересованный, но стеснявшийся проявить любопытство Ильич покраснел. – А почему чудо?

– Как прокатишься, так и поймёшь. Возьми с собой одного из своих людей и садись вон на ту лавку ближе к носу.

– А грести на плоту, кто будет? – с удивлением спросил купец, – Кто ж загребным на свою лодку чужака сажает?

– Никто грести не будет. Постарайся расслабиться и не пугайся шума.

В голове стал созреть план возможного бегства от камня. «Вот оказывается, с кем меня случай свёл – с работоторговцем. Если этот «гость из Новгорода» проявит агрессивность, придётся стрелять. А без главаря и команда не команда, – подумал я, – главное подальше отплыть, переждать, а потом, можно и вернуться обратно. А ведь какой шанс добраться до Смоленска, эх!».

– Это я-то спужаюсь? – усмехнулся купец. – Я в Бирку позапрошлым годом ходил и не пугался. А там это не тут. Ефстафий, дай-ка мне свейский нож, да дрова для костра сообразите. Савелий, айда со мною. Грек да с ветерком? Шутник небось.

Выдернув костыль, державший лодку, я забрался на корму и устроился возле мотора. Пахом и ближний к нему охранник залезли на нос лодки, купец разместился спереди. Крепенький мужичок, которого называли Савелий, за ним, лицом ко мне. Остальные столпились на берегу, поглядывая по сторонам. По моей просьбе оттолкнули, и мы стали дрейфовать по течению. Подсобив веслом, я вывел лодку параллельно берегу, после чего винты двигателя в воду, ручку руля выставил ровно, и кнопкой завёл мотор.

Брых-тых-тых-тых! – взревел двигатель, заглушая все разговоры.

Вспенив за кормой воду, «Стриж» резко стал набирать скорость, от чего купец чуть не завалился на спину. Люди на берегу от неожиданности замерли. Метров пятьдесят мы прошли против течения, сделали круг по реке и причалили к берегу у ладьи.

– Бросай конец! – крикнул я, – Пахом Ильич, твою нехай! Конец бросай на берег!

– А, что?

– Верёвку белую, что под ногами лежит. Пусть подтянут нас.

Купец и охранник сидели, не двигаясь, схватившись за борта. В итоге пришлось буквально выскочить носом на песок, и соратник купца, передававший ему нож, наконец-то сообразил взяться за трос, закрепив лодку на берегу. Приглашать пассажиров на сушу было бесполезно. Стуча зубами, Ильич вылезал с помощью Савелия, который шустро выпрыгнул, как только «Стриж» оказался зафиксирован. Катание по воде вышло действительно чудесным. С минуту все приходили в себя.

– Никогда я так быстро... как щука, да что там щука. Быстрее птицы. Во! – Пахом изобразил, как летают птицы. – Чуть в порты не нахезал.

Но эйфория длилась недолго. Купец сотворил движение правой рукой, вроде как знак подал, не углядевший, после чего внимательно посмотрел на нос лодки. Скорости, с которой он прокатился, можно было теоретически достичь только привязав плавсредство к табуну лошадок. Новгородец явно искал подвох с верёвкой и, не обнаружив искомого, стал поглядывать по сторонам, даже задрал голову в небо. Стоявший рядом с ним Савелий вслух ничего не сказал, но от напряжения весь вспотел. Обстановка снова стала нервной, вокруг меня потихоньку собирались люди, окружая со всех сторон. Плот оказался не таким простым, а вот насколько – предстояло решить всем миром.

– Слышь, Лексей, а ты часом не водяной? Сплоток чудный, сам весь зелёный, словно в тине вымазан, запах не наш, не людский.

Новгородец говорил размеренно, пытаясь скрыть волнение от пережитого путешествия, внутренне вздрагивая от каждого шелеста деревьев и треска сухих веток. Однако с каждым словом голос его становился всё увереннее и крепче. Я залез за пазуху и показал крест на цепочке. Кто знает, что взбрёт в голову местным. А насчёт одеколона промашка вышла.

– Где ж ты водяного с крестом православным на груди видел?

– Нечисть, она разная бывает, – сквозь зубы пробурчал купец, – хитростью и коварством людей честных соблазняет.

– Тебе виднее. Только я здесь хозяин, а ты гость, и негоже меня с водяным сравнивать. Так и обидеться недолго. А лодка сия – творение рук человеческих.

– Это я вижу, вон, клеймо мастера стоит, – новгородец ткнул пальцем в надпись на борту лодки, – однако не прост ты человек. Аневож один здесь? – поинтересовался купец будто невзначай, но было заметно, словно какое-то взвешенное решение принять нужно, да информации маловато. Так и у меня её с гулькин нос, однако рассказывать всё начистоту меня никто не неволит. Пусть уж будет такой паритет, как есть, поэтому на неудобный вопрос лучше отвечать завуалированным под вопрос ответом. А ещё лучше – сразу перевести разговор на другую тему.

– А если с целой бандой, то что? Как у нас говорят: худой мир лучше доброй войны. К чему такие вопросы? Если б я захотел, мы бы и не встретились, а если я к берегу вышел, зная, интерес у меня образовался. Вот ты говоришь, что торгуешь, так и я этим иногда промышляю. Поведай мне лучше, Пахом Ильич, что продаёшь, что покупаешь?

– Так это, – рабов везу. Полон, хм... купил. Вот продам на торгу и домой. Дёгтем ещё промышляю, да и всяким разным.

Мысли о захвате очередного пленника как-то ушли у Пахома Ильича сами собой. Понимая, что один человек никак не мог упереть весь груз, находящийся на берегу, и насчёт численности ответа не получит, сам бы так сделал, посему решил эту тему оставить на потом. Видимо, опыт подсказывал, где лучше договориться, а где лихость проявлять. «Нехай, странный незнакомец на свободе поживёт, а там видно будет, – рассудил новгородец, – а пока глаз с него не спускать».

– И дорого стоит полон? – Продолжил беседу, спросив больше по привычке, чем из коммерческой заинтересованности.

– А ты никак купить хочешь? – Почуввав интерес, купец заложил ладони за пояс, пузо вперёд, хоть картину пиши в учебник «Правила позирования при совершении сделок в XIII веке». – Мужики крепкие, не увечные.

Подражая Пахому, я тоже засунул пальцы за ремень и серьёзным тоном ответил:

– Могу купить, если сторгуемся, или поменять. Есть и у меня товар, который показать не стыдно. Редкий! Не для всех подойдёт. Но ты, как я смотрю, оценить сможешь.

Только сейчас мне стало понятно, что одному тут не справиться. Никто меня, незнакомого, без рекомендации просто так не возьмёт с собой. Не принято здесь это. Незнакомец ассоциируется с врагом. В лучшем случае, попытаются избавиться, треснут по башке да продадут, ну а про худшее – даже думать не хотелось. Вообще-то и у нас так же. Попробуйте проголосовать на дороге, чтобы добраться на попутке. В Севастополе никто не остановится, такси через каждые сто метров. Если рукой машет, значит без денег, либо намерения недобрые. И дело не в том, что очерствели люди; с расколом привычного для нас социума прибавилось опасностей. Итак, для того, чтобы осуществить намерения, мне надо не просто стать для окружающих своим, имея общую систему ценностей, а стать интересным для них. А для этого нужны люди и связь с миром. Но и этого недостаточно, от меня должна исходить стабильность. А она складывается, лишь если ты привязан к земле. Следовательно, нужно строить базу вокруг камня, закрепиться, так сказать, получить вид на жительство. Что ж, поставленные задачи будем решать в порядке очереди. Какая мне разница, где продать шёлковые рубашки, на рынке Смоленска или здесь? Придётся попробовать поторговаться. Что из этого выйдет – посмотрим.

К палатке, возле которой стоял стол-лавка, мы подошли с Пахомом вдвоём. Помощников, видимо за неимением, он с собой не взял. Кто-то из его людей отдал команду гребцам разводиться огонь и готовить еду. Охрана же в свою очередь поднялась на холм и, выбрав удобную

позицию, посматривала по сторонам, но к нам даже и близко не подходила. Каждый был занят своим делом. И тут стало заметно, что команда корабля и вооружённые длинными ножами люди явно разобщены. Начиная от минимального общения между коллективами до полного разделения провианта. То есть приём пищи намеревались осуществлять не совместно. Тем временем, заметив в гостях эту особенность, я показывал товар лицом. Разложил стол-лавку, дабы использовать столешницу на всю площадь, и развязал завязки на сумке. Изделие китайского ширпотреба надувалось воздухом, блестело на солнце, создавая благоприятное впечатление качественного и дорогого материала. За многие годы работы в сфере оптовой торговли по мимике лица, движению пальцев я научился определять, заинтересован покупатель в товаре или нет. Купец же не просто приценивался, а буквально пожирал глазами изделия. Но длилось это не долго. Началось самое интересное и одновременно невероятно муторное занятие – таинство торга.

– Смотри, Ильич, мой товар, видишь какой шов? А цвет? Восковником или крушиной так не покрасить. Цены рубашам нет.

– Ну, цена-то товару завсегда есть. И много у тебя этих скурт¹, то есть рубаш?

– Дюжины три на продажу есть и платков столько же. Купить задумал?

– Может, и задумал, – отметив про себя, что может, и за так заберу, – почём отдашь?

– Дорого. Боюсь, серебра у тебя не хватит.

Пахом Ильич принял условие игры, считая, что находится на своём поле. Появился шанс честно обдурить собрата по ремеслу, так как он считал себя непревзойдённым мастером торжища, но что-то его настораживало. Пока грек вынимал из тюка паволок, он обратил внимание на жаровню с оставленной на ней сковородой. Вещь, конечно, хоть и нужная, но в походе бессмысленная, как, впрочем, и сама жаровня, если только путешествуешь не на корабле и не надо думать, где бы высвободить чуточку свободного места, куда впишется лишняя бочка или корзинка. К тому же учесть, что шатер слишком велик для одного да трава на поляне изрядно примята, как бывает после прохождения десятков пар ног, то вывод напрашивался сам собой. Алексей совсем не торговый гость, а находящийся здесь по каким-то интересам не понятно кто, куда-то спрятал своих людей и всё общение затеял исходя из своих коварных соображений. Видать, сильно надо было, чтобы его тут кто-нибудь заметил. Во время размышлений новгородец аккуратно, двумя пальцами приподнял за край воротника предмет торга и удивился необычному дизайну. Рубахи были превосходны, явно заморские, а не какой-то третьяк. Все виденные за его долгую жизнь из льна, шерсти, конопли и даже шёлка, иначе как рубище, назвать было нельзя. Это как сравнивать топоры из камня и высококачественной стали. Изумительно ровные стежки, отсутствие торчащих ниток и узелков, а способ пришивания рукава, вообще из области невероятного. Теперь он уже другим взглядом оценил одежду продавца. Гладкая вся, словно сохла в натяг и те же ровные стежки. Не один день труда ушёл, чтоб добиться такого порядка. Впрочем, иной мастер успевает сделать вещь от зари до заката, где другой и за седмицу не осилит. Значит, товар у грека не такой и редкий, просто на глаза не попадался. И как результат всех осмыслений, новгородец с сожалением понял, что истинной цены изделию он не представляет. Вернее имеет понимание о нижней планке, если взять за эталон, хоть и с большой натяжкой, нарядную скурту посадника, проданную соседом по торгу за золотой солид.

– А может, поменяемся? – сделал я предложение новгородцу. – Я тебе рубаху – ты мне раба.

– Окстись, Лексей. Где это видано, раба за рубаху. Раб три гривны стоит, а дюжина рубах и на гривну не потянет, – не моргнув глазом, соврал купец.

---

¹ Слова skyrta и kurtill, современный датский kjortel и kirtle, – туника.

– Пахом Ильич, я не хочу бахвалиться, но таких рубах больше нигде нет, ты это уже понял, поймёт и другой. Эти сорочки покупает только князь, ну может, ещё очень богатый купец, сам китайский император носит их, а его ближние сановники не могут себе этого позволить. Платки, так вообще отдельная тема.

– Гривну за дюжину скурт и половину за платки. Возьму всё! – Вроде как из милости предложили мне.

– Три сорочки за двух рабов, а за трёх добавлю платок, – стал опускаться в цене.

Хотелось поставить точку в сделке, да куда уж там. Новгородец уходил к ладье и с кем-то советовался. Два раза мне подводили группу людей, но каждый раз я указывал на необычайную худобу, и всё начиналось заново. Торговаться мы закончили только когда по какому-то поданному Пахомом знаку его стали звать снять пробу приготовленной каши. Один раб мне обошёлся в один платок и три рубашки, которые купец стал называть новым словом «сорочка». На обмен были заявлены десять человек, которые остались сидеть прямо напротив шатра. Достав блокнот из кармана, я стал писать договор мены, привычка оформлять сделки оказалась сильнее реалией. Заглядывая в мою писанину, Ильич поинтересовался, что я делаю?

– Как что? Договор сейчас составим, вдруг ты передумаешь, а потом скажешь, что ничего не было. *Verba volant, scripta manent*², – пришлось пояснить, что вызвало не только улыбку, но и смешок.

– Это ни к чему. Ударили по рукам и достаточно, видаков вон, полная ладья. Чем ещё сможешь меня удивить, византиец?

– Много ещё чем, – загадочно ответил я, – но чуть позже. В накладе не останешься, поверь. Ты мне лучше вот что скажи, есть ли возможность приобрести несколько икон? Слышал я, есть в Смоленске пара мастеров, занятых этим промыслом.

– Действительно удивил! Обычно от вас их везут. Однако я постараюсь твой заказ исполнить. Будущим годом буду проходить здесь, так что жди. Кстати, со мной вой, что охраняли полон. В этом деле опытни, могу уступить. До утра они посторожат, а дальше не обессудь.

– Спасибо, за воев я подумаю, только ждать будущего года мне никак нельзя, иконы нужны сейчас.

– Это ж целую ладью из пары... туда-сюда гонять?

– А в чём сложность? Предоплату я сразу дам. Пока ты обернёшься, за это время мне сюда новый товар подвезут. Поторгуем по-настоящему. И мне польза и тебе выгода.

– Это если подвезут, а коли нет? До Смоленска не один день грести, людей кормить-поить надо. Затраты это всё, да не малые. Вот кабы ты дёгтя с десятков бочек заказал.

– Дёготь это очень интересно, но не сейчас.

Дальнейший разговор практически не имел смысла. Нежелание купца можно было понять. Гонять ладью из-за пары икон было равносильно отправке панелевоза из Ялты в Севастополь за двумя рулонами рубероида, но конечная точка ещё поставлена не была. После обмена Пахом перекинулся парой слов со своим охранником, тем самым, который участвовал в катании на надувной лодке, тот стал возражать, но после твёрдо произнесённого: «Савелий! Всё по уговору», – кивнув головой, отошёл к своим людям, плотно обступившим дымящийся котелок. Прислушавшись, я уловил несколько слов, одно из которых было «брони», а второе – «помощь». Вскоре разговор стих, и началось нечто интересное. Собеседник купца подошёл ко мне с предложением нанять двух человек для охраны, показав рукой на группу людей, сидящих поодаль гребцов. Я согласился и предложил поработать на меня сразу всем. В качестве оплаты намекнул на шёлковую сорочку, точно такую же, как нацепил Пахом. К моему удивлению, я получил отказ, правда, с пояснением, что отряд нанялся к купцу не просто охранять, вернее, сначала ловить рабов, а также попутно добраться до стольного града княжества. Вот только

---

² Слова улетают, написанное остаётся.

договор утратил силу, и хоть он теперь сам по себе, тем не менее, оставаться здесь желанием не горит. Однако если я с ним расплачусь серебром сейчас, приму на службу всех, кого он укажет, и в обозримом будущем посету Смоленск, то он согласен. Где я возьму деньги, его, естественно, не интересовало, а сумма была названа внушительная. Пришлось обратиться к Ильичу, и все вместе решили проблему. В результате чего купец стал монополистом не только шёлковых платков, которые были перенесены на ладью в отдельном сундуке, но и остававшейся у меня горстки бижутерии. Получив за них два прутика серебра, где-то под полкило веса, я вновь позвонил Савелию. Деньги в моих руках, как я понял, были большими и, передав их ему получил в своё распоряжение отряд в восемь человек до конца лета. Со стороны Пахома Ильича мне были обещаны три иконы из церкви Михаила Архангела, в которой по слухам жил иконописец, и с десятков охочих до строительства людей из Смоленска. Довольный сделкой купец потирал руки и подсчитывал будущую прибыль, я же повёл свою охрану и купленных рабов к шатру. Разместившись, мы стали знакомиться. Начал с самого молодого, после чего он спустился к берегу и принёс от костра горящую ветку с наполненным водой котелком. Посмотрев на это, я указал пальцем на давно потухший мангал. Пока стряпали новый костёр и вешали на вертел котелок, я записал каждого по имени, узнал их возраст, приблизительно оценил рост и измерил размер обуви, сопоставляя со своей ногой. Всё это было попутно с расспросами, кто что умеет, где до этого жили, есть ли семьи. Итог блицопроса немного удивил меня. Нанятые охранники были ратниками из Рязани, входившими в ополчение одного из районов города. В мирное время они промышляли сопровождением купцов (чему я не особо поверил), а в лихую годину стояли на стенах. После захвата столицы степняками, воины сумели пробиться к реке и, побросав всё, что мешало быстрому шагу, перешли Оку по льду, скрываясь в лесу. От сотни Савелия после бегства осталось восемь человек. Родичи дружинников погибли либо в пламени пожара, либо в плену у кочевников. И основная причина, по которой они здесь, – деньги. Оставшись без средств и, как следствие, без должной экипировки и лошадей, не то что выкупить родных, даже отомстить обидчикам сложновато. Путь их привёл в Мстиславль, где по слухам набирали рекрутов в дружину. Только в городе им указали от ворот поворот. То ли условия найма были не подходящие, то ли ещё какая-то сложность возникла, но насколько я понял, ребята просто опоздали. Тут и подвернулся Пахом Ильич, совместивший нужду беглецов со своим интересом. Готовности рвать зубами «поганое племя» я не увидел, но идея совершать нечто подобное с настоящим оружием в руках проскакивала не раз.

– Что ж, – поняв направление мысли рязанцев, сказал я, – с сегодняшнего дня наш отряд будет называться «Меркурий». Ибо попали вы ко мне через торговые дела. Оборванцами ходить не будете, доспехи справлю как у князя: стрела не возьмёт и сабля не разрубит. Про оружие отдельно поговорим, кто с чем ловок, завтра же тем и снаряжу.

Рязанцы заулыбались и одновременно стали выглядеть смущёнными, словно что-то пошло не так и ввязались они во что-то нехорошее, приняв на себя частичку вины. Чувство это настоль горькое, что даже у человека со стальными нервами волей-неволей результат переживаний проявляется в мимике. Длилось это мгновение, но от меня столь резкая перемена в выражении лиц не ускользнула, как кто-то буркнул: «Это с чего ж такая щедрость?»

– Щедрость с того, что мои люди всегда самые лучшие во всём. Как в воинском умении, так и в снаряжении и довольствии. Усекли? И ещё, кому-то может показаться очень хорошей мыслью решить свои насущные проблемы единым махом и пошукать ночью в шатре. Об этом забудьте. Во-первых, место здесь святое; а во-вторых, задумайтесь, отчего я не боюсь быть одним? Может, не просто так у меня волшебная лодка? А если я не прячу её от людских глаз, то, что же тогда скрыто? Хотите жить долго и счастливо – не огорчайте меня.

Я незаметно вытащил из кармана картонку со спичками и бросил на тлеющие угли. Вспышка с характерным хлопком не так эффектна в сумерках, как ночью. Тем не менее, смотрившим на меня хватило и этого. Теперь стоило подумать о еде. Пришлось лезть в палатку и

вытаскивать весь свой провиант. Лапша быстрого приготовления, кило картошки, мясные консервы, хлеб. Лапшу есть не станут, подумают, что червяки сварены. Консервы показывать не стоит, доставать мясо из металла – это слишком, да и пригодятся ещё. Оставался хлеб и картофель, но даже если всё сейчас приготовить, всех не накормишь. Кашу бы сварить или четверть туши бычка зажарить, да и что-нибудь на завтра придумать. По-хорошему, тут полевая кухня нужна. Почти два десятка человек с мелким котелком и сковородой, это даже смешно. Вот если казан большой, и не один. Конечно, можно было поинтересоваться, как народ собирается кормиться, и пустить всё на самотёк, но это стало бы равносильно признанию своей никчёмности. Раз принял людей под крыло, будь добр, озаботься обо всём. Только так, а не иначе, тем более, что до «дома» рукой подать.

Вскоре я очутился в Севастополе. Мне пришлось пересказать всё то, что произошло со мной в средневековье. Полина чуть ли в ладоши не захлопала. После я поделился своими мыслями о развитии базы.

– Полина, план-два не сработал. Надо искать другой путь. Необходимо купить строительные инструменты, мы строим базу в средневековье. Я могу на тебя рассчитывать?

– Конечно, можешь.

– Тогда записывай, что мне потребуется.

Если надо потратить деньги, обратиться к женщине. Хочешь потратить с умом? Снова зови её. При покупке строительных инструментов дама никогда не купит лишнего, что не указано в списке. Только мужчины, видя в строительных магазинах обновление к инструменту, учитывают увеличение коэффициента полезной деятельности и хотят его заполучить. Прекрасной половине это не интересно, зато выполняя мужскую, как им кажется, работу – они чувствуют себя на вершине. Но в данном случае я наткнулся на стену непонимания.

– Ты в своём уме? – переспросила меня Полина. – Какие бензопилы и прожекторы? Мы же хотели только попробовать. Цапай иконы и забудь о средневековье.

– Не хочу. Полина, мне там интересно. Понимаешь меня?

– У тебя вечно какие-то бредовые мысли и идеи. Знаешь, что я тебе скажу, – Полина подошла ко мне и положила ладони на плечи, – тебя объявят колдуном, свяжут и утопят в речке. И не говори мне после, что я тебя не предупреждала.

– Риск конечно, но обещаю, буду осторожен.

На этом разговор был окончен. Надо было с чего-то начинать, и, не откладывая на потом, я позвонил своему старому другу Саше Климову, договорившись о встрече. Мы дружили ещё с военного училища и всегда помогали друг другу. Нужно было решать вопрос о покупке амуниции, а у него были неплохие связи на армейских складах. Всем известно, что одежда для вооружённых сил не только удобная и ноская, но и самая практичная. И там, где партикулярное платье изорвётся в клочья, военная форма – обзаведётся лишь складками. Именно это мне и надо. Час спустя я подъехал в бильярдную, где была назначена встреча.

Мы уже закончили пятую партию, Саша ставил шары на полку и, протирая их суконной ветошью, сказал:

– Лёша, с амуницией для ваших игрищ я помогу, но оружием заниматься не буду. Я в ваших рыцарских железках не разбираюсь, а каждый штык-нож – это статья.

– Спасибо и на этом. Вот, – выложив на стол листок бумаги, – размеры одежды, обуви и количество обмундирования. И ещё, мне нужны десять комплектов робы с прогарами, помнишь, которые мы носили в училище.

– Помню, помню. Такое не забывается. Лёха, дай мне три дня – и всё будет готово.

Санёк улыбнулся, и мы пожали друг другу руки. Из бильярдной я поехал на завод Муссон. Когда-то знаменитый на весь Союз, огромный комплекс с секретными цехами трудился на благо Родины. Теперь же, частично превратившийся в супермаркет с ледовым катком, гигант дорабатывал ресурс станков, поставленных ещё при царе Горохе, под вывесками частных пред-

принимателей. Рабочий день подходил к концу, и мне надо было успеть в кузницу. Заказ на десять мечей, пятьсот наконечников для болтов, сотни для стрел и два десятка наручей был принят к исполнению. Один меч я забрал сразу же. Это был старый заказ, который, видимо, чем-то не подошёл заказчику. Остальные клинки должны были стать упрощённой копией этого, без выкрутасов с гравировкой. Блочные арбалеты и лук я выбрал в стрелковом клубе, прямо в их магазинчике. Не те, что на витрине, а так сказать, авторскую работу, которую показывать нельзя. День за днём, вычёркивая из списка купленные вещи, я приближался к тому моменту, когда всё будет собрано. В конце рабочей недели, забирая железный заказ, я посетил деревообрабатывающую фабрику, где за небольшие деньги нам делали щиты для игрищ. Мастер столярного цеха взялся изготовить ножны для клинков по образцу купленного меча. С таким заказом он никогда не сталкивался, и у него вызнал профессиональный интерес. Проблема была лишь в том, что сырая кожа на ножнах должна высохнуть с вложенным туда мечом, а размер каждого оружия индивидуален. Тогда он мне пообещал что-нибудь придумать и не обманул, заодно закрыли вопрос с древками арбалетных болтов и стрел.

По соседству со столярным цехом хитрый носатый предприниматель торговал со склада посудой. С эмалированными кружками и мисками он расстался с лёгким сердцем, даже кассовый аппарат не открывал. Тут же были приобретены огромный казанок на сорок литров и несколько чугунных кастрюль поменьше, два десятка деревянных ложек и дюжина мельхиоровых. Пока упаковывали покупки, случайно обратил внимание, что в углу под стеклом стоит красное знамя.

– Откуда это? – Указал на полотнище с бахромой.

– Э... стояло тут, сто гривен, бери дорогой, муха не сидела. – Продавец посмотрел на потные руки, хотел было вытереть об рубашку, передумал и направился к стеклу, чтобы вытащить на прилавок.

– Стой. Я сам.

Выложив на стол сотенную, снял стеклянный саркофаг и бережно, за древко вынул знамя. Пусть не овеянный трудом или славой новодел. Да какая разница! Знамя есть знамя, и отношение к нему должно быть соответствующее. На автомобильной стоянке, перед оптовым складом, ко мне подошёл пенсионер. Невысокого роста, в кепочке, он посмотрел, как укладываю стяг в машину, и похлопал меня по плечу.

– Молодец! – сказал ветеран.

Мы разговорились. Юрий Шабанов, будучи лейтенантом, командовал танком на Курской дуге, победу встретил в Берлине. Видя, как выручают из плена символ Победы, не выдержал, прослезился. Таким людям в пояс кланяться надо, мало их совсем осталось.

Дальше моя дорога лежала на хлебный комбинат. Пять мешков сухарей, муки и соли наполнили мою кладовую. Сухофрукты, две упаковки сливочного масла, полтора центнера гречки и столько же перловки с горохом мне уступил прапорщик одной из украинских частей. Почему там, а не в магазине, да потому, что всё это было упаковано в крепкие армейские ящики и бочки. Он же подсобил с приобретением палаток и матрацев. На первоначальном этапе этого должно было хватить. Настал момент, когда надо было начинать потихоньку перебрасывать с таким трудом нажитое добро, и тут я вспомнил о мясе. Выбор ещё раньше пал на птицу в основном, из-за её стоимости. Обмотанные смоченным в уксусе полотном, куры могут храниться до трёх суток без всякого холодильника. А это не мало. Пока нет элементарного ледника, наверное, наилучший способ сбережения продукта. В дальнейшем, что-нибудь придумаю, а пока, рассортировав все припасы, я стал складывать их на тележку. Сначала бочонки, целых шесть штук. В них поместился весь сыпучий провиант с птицей. Следом пошли палатки с одеялами и спальными принадлежностями, а в завершении примостил посуду, сложив её в огромный казан. Удалось даже амфору с сухим вином взгромоздить. Тележку еле стронул с места, одни палатки двести пятьдесят кило весят, хорошо хоть в четыре пачки запакованы.

Можно было начинать движение. Дверь комнаты перехода плавно закрылась, перенося меня во времени и пространстве.

Оказавшись на базе «Средневековье», как я окрестил камень с порталом в тринадцатом веке, разгрузил тележку и отправился с ней обратно. Колёсный инвентарь пригодится в Севастополе, а чтобы не идти пустым, прихватил пару топоров с лопатами, и снова обратно. Как только стал разбирать посуду с инструментами, казан накренился, и оттуда со звоном вывалились миски. В голову пришла пословица про слона в лавке, который захотел сделать как лучше. Едва привел эту аналогию, неосторожно повернулся, и мешки с сухарями завалились тоже. Разбирать посылки из будущего в темноте стало просто невозможно. На шум в палатку заглянул Савелий, как раз, когда я зажёл керосиновый фонарь. Луч света попал ему на ноги, заставив незваного гостя отпрянуть.

– Савелий! Да не стой в проходе! Это огонь в стекле. Что, никогда такого светильника не видел? Помогай с кастрюлями. Кстати, короб, что возле тебя, сразу заberi. Кружка, миска да ложка на каждого. Там всё по мешочкам разложено. Прямо с ними и раздай своим.

Посуды у рязанцев практически не было, только деревянная ендова да медный котелок, куда с трудом бы влез гандбольный мяч. В принципе, они могли обойтись и этим, но когда дают хорошие вещи, надо брать. Единственное, что заинтересовало Савелия, зачем нужны миски, если в них еды помещается всего на одного. Мои объяснения его только удивили. Оказывается ели на Руси из тарелок по двое или втроём не потому, что не знали персональной сервировки стола или из-за банальной экономии. Вовсе нет, сделать тарелку из коры – минутное дело. Как ни странно это прозвучит, причина была в ограниченном количестве блюд, и положить в миску того, сего, разного – возможности не было. Пиршества и княжеские застолья не в счёт – там работают профессиональные повара и печи у них не метр на метр, как в большинстве изб. Если взять среднестатистическую сотню, то у девяносто девяти жителей той же Рязани не было таких понятий за столом, как первое, второе и компот. Готовили одно блюдо. Толкно либо щи, каша или дичь, репа или рыба. Хорошо, если раз в день. Впрочем, личная деревянная посуда была, если человек болел, причём из того сорта дерева, которое помогало в излечении. Наличие медной или серебряной, как и из других металлов считалось роскошью. Естественно, дорогую утварь в дорогу почти не брали, если ты, конечно, не на вершине социума. Так что побаловал я бойцов, а те сделали для себя соответствующие выводы.

Разобравшись с завалом из коробок и подхватив тощие сидоры своих будущих работников, я подошёл к рабам. Десяток очень истощённых людей в дубовых колодках смотрел на меня злыми, полными ненависти глазами в ожидании своей участи. Их одежда представляла собой жалкие лохмотья. Обувь не было вовсе, зато запах давно немытого тела буквально висел в воздухе.

– Слушать в два уха, пока они есть. Я ваш новый хозяин. Здесь будет строиться крепость. Кто будет работать, тот получит новую одежду, сытное питание, кров и по окончании строительства свободу. Кто захочет убежать, будет пойман и убит.

Сидевшие на траве пленники, смирившись со своим положением, молчали. Возможно, им впервые за несколько дней предложили еду и рассказали о том, что их ожидает. Да и заплечные мешочки с лямками, как раз по количеству сидельцев, говорили о том, что сначала будет аванс, а не изнуряющая работа. Расценив молчание как знак согласия, я развязал первый попавшийся под руку вещмешок и вытащил из него миску с ложкой. Затем извлёк булку отрубного хлеба.

– Кто умеет кашу сварить?

– Я могу кашеварить, – ответил мужичок с колодкой на шее, сидевший как раз передо мной.

Повар нашёлся сразу, видимо поговорка «поближе к кухне – подальше от начальства» имеет глубочайшие корни. Деревянный клин, удерживающий доски колодок добровольца,

Савелий выбил с двух ударов топора. Пока закипала вода в казане, один из рязанцев принёс кашевару мешочек с крупой и миску соли, а я успел распаковать десяток куриных тушек, выложив их прямо на траву. Птиц, приняв их за огромных фазанов с ледника и тут же разрубив на части, побросали в котёл. Затем, под моим руководством поставили палатку для охраны и палатку для рабов. Каждому досталось по войлочной кошме и одеялу. За это время остальные выкопали яму для оправления естественных надобностей и заготовили дров. К закату работы по обустройству лагеря и обильный ужин были закончены, порядок дежурства озвучен, так что смело можно было готовиться ко сну. Заночевать я решил со своим воинством.

На заре меня разбудил Савелий, вернее тревожный колокольчик, когда рязанец зацепил ногой леску, натянутую перед шатром.

– Алексей, просыпайся. Пахом спешно отплывает. Даже не снедал. Странно это. Кабы не Ратибор, он бы тебя ещё вчера жизни лишил. Нельзя его отпускать.

– За что меня жизни лишать?

– Ты думаешь, я просто так тогда к тебе подошёл, людей своих предложил нанять? Договор у нас с Пахомом был, да только не по нраву он мне стал.

Нашупав ракетницу в рюкзаке, я вышел из палатки, сделал потягушки и направился к берегу. Один из людей купца уже привязывал резиновую лодку к ладье.

– А ну стой! – Заорал я, выстрелив ракетницей в воздух. – Немедленно отвяжи, иначе навсегда останешься тут, в реке.

На крик и шум выстрела высунулся перепугавшийся Пахом. Посмотрел в небо, хотел было перекреститься на падающую звезду, сказал несколько слов про себя и, брызжа слюной, стал отчитывать своего человека:

– Ты чего сотворил, тать? Евстафий, я тебя спрашиваю.

Слабая попытка оправдания кражи: я не я и лошадь не моя – результата не принесла. Поступок новгородцев рушил все мои планы. И хоть ворюга отскочил от лодки, вертящаяся голова Пахома ко мне с явным вопросом «что делать?» выдавала истинного виновника происшествия. Тем не менее, я решил не обострять.

– Пахом, не буди лихо, пока оно тихо, да про договор наш не забудь. Этот случай и то, что вчера хотел сделать, мы забудем. Правда?! Выполни всё, о чём договаривались, и я озолочу тебя. Ровно через седмицу жду тебя с работниками и ладьёй. Нагружу судно до краёв. Повежёшь в Смоленск такой товар, которого даже в Царьграде нет.

Впервые за много лет новгородскому купцу, похоже, стало стыдно. Мало того, что Савелий не прирезал ночью византийца, о чём сообщил четверть часа назад, так ещё и на воровстве поймали. Будь на месте Ильича какой-нибудь торгаш из Швеции или с Западных островов, он бы и глазом не моргнул. Но Пахом Ильич всё же иногда вспоминал о совести, и, перейдя известную границу, вороватый купец мог лишиться самого важного, торговой чести. Это не на кистень, так сказать, в честном бою взять. Кто-нибудь да сболтнёт, причём в самое неподходящее время. А дальше... С нечистым на руку никто торговать не станет, и сиюминутная прибыль в итоге может оказаться началом полного разорения, но предложение о новом товаре всё меняло. Теперь его грешные манипуляции сводились к хорошо просчитанной комбинации по получению товарного кредита. Проверял он торгового гостя. Византиец оказался тёртым калачом, таким же, как и он, то бишь одного поля ягода, и это заставило опустить руку с ножом, готовым вонзиться в стоящего на берегу.

– Добро, Алексей. Буду в срок. Жди.

Привязав лодку к колышку и проводив взглядом уходящую ладью, я вернулся в палатку. Надежды встретиться вновь с новгородским купцом у меня не осталось. Ключ в замок, и всё хорошенько обдумать. Сбежит купец – найдём нового. Причал построим, флажки развесим. Не может быть, чтобы он один по реке ходил. Не сошёлся на нём свет клином. Как только обустроюсь, разведая местность. А там объявлю о себе, и кому надо – сами придут. Хоть из

того же Мстиславля, пусть и крошечного, но всё же городка. Вскоре я смог забрать одежду для работников и амуницию для своих бойцов. Знакомый прапорщик втюхал мне, как он думал, списанную полевую баню на шесть человек, и холм с камнем должен был обрасти ещё одной брезентовой крышей, чему я был только рад. Начиналось время инвестиций.

В шесть утра на базе «Средневековье» я устроил подъём, хотя после выстрела из ракетницы никто уже толком не спал. При помощи инструкции, внимательно изученной мною ещё в Севастополе, я установил каркас походной бани. Дальше работали сообща. Вместе выкопали канаву для воды, сложили в стопку перед входом шайки, поставили нагреватель с двумя бочками, и пока вода грелась, я показывал новое обмундирование. Изысков в одежде не было, что оказалось сразу отмечено, но наличие обуви, вернее, как она была пошита, вызвало чувство восторга. Кто бы мог подумать, что правый и левый ботинок произведут так много разговоров. Привыкшие иметь обувь на «одну ногу», люди, как обычно бывает, отнеслись поначалу с недоверием, затем приспособились, а потом – восхитились. В процессе перебирания обновок, у каждого оказалось, по куску мыла с мочалкой. Объяснив, как ими пользоваться, я отправил народ мыться, по четверо за заход. Сначала начальство, а потом остальные. В итоге мы с Савелием остались за одним столом вдвоём.

– Алексей, скажи мне, откуда всё это? Из своего шатра ты достаёшь столько диковинных вещей, которых я никогда в жизни не видел. Да и не поместится всё это там. Я ж у князя когда-то в сотниках ходил, в кремле часто бывал. Все купцы свой лучший товар сначала туда свозили.

Кое-что и сам покупал. Так те вещи по сравнению с твоими и рядом положить стыдно. Но ты не купец, нет в тебе стяжательства. На волхва не похож, хотя утром огонь рукой сотворил, чародейства злого, как колдун чёрный – не делаешь. Оттого два вопроса у меня: кто ты, Алексей, и зачем мы тебе нужны?

– Что ж, на эти вопросы ответить надо. Но сначала я возьму с тебя клятву, что это останется между нами. Никто не должен узнать.

– Перуном клянусь, Алексей. Твои слова умрут вместе со мной.

– А почему Перуном? Ты ж вроде христианин.

– Ну, христианин. А только воинский бог наш Перун. Ему клятву даём.

– Ну, смотри, Он всё видит. Не трудно догадаться, что я пришёл издалека, да и не скрываю этого. Большая беда угрожает смоленским землям. Ты уже и сам сталкивался с нею. Так вот, мне очень не хочется, чтобы участь Рязани постигла и это княжество. Ибо для меня нет разницы между Рязанью, Смоленском, Новгородом или Киевом с Черниговом. Всё это Русская земля, и живут на ней русские люди, как ты их не назови: вятичи, кривичи, уличи; все они братья. Большого я сказать не могу.

– Беда – это степняки?

– Не только. Хотя и они тоже. В принципе, вы мне особо и не нужны, но так сложились обстоятельства, что я склонен верить в то, что наша встреча не случайна. Может, это и к лучшему. Что же касается разных диковинных вещей, то не стоит удивляться. Больше того, воспринимай их так, словно это обыденность. Наша земля богата тайнами, и поверь мне, даже самый умудрённый старец на всём свете не знает их сотой части. Мне лишь доверена одна из них. После того как вы омоетесь, я выдам оружие. Надо бы определиться с присягой и порядком несения службы. Слушай меня во всём, и ты отомстишь степнякам за Рязань и за всё, что пережил. Поговори со своими людьми, если вы со мной, то принесёте клятву. Если нет, то согласно уговору в начале осени вы свободны как ветер. Кстати, полученную амуницию с собой заберёте, а я найду себе других. Ты даже не вспомнишь, что меня видел.

– Я всегда знал, что где-то в лесах существуют предки-хранители. Не врал вчера руны Ратибора, – пробормотал Савелий и, указав пальцем в сторону чащи, добавил: – Они тебя послали?

– Сам не знаю. Но выходит, что так.

В качестве доказательства таинственных покровителей я показал Савелию на экране телефона отрывок из кинофильма про Александра Невского. Конечно, в подробностях ничего не разглядеть, но картина в целом была понятна. Маленькие люди скакали на лошадях и правдоподобно мутузили друг дружку всяческим железом. Естественно, когда с тобой делятся подобными откровениями, приобщают к вещам, синоним которых не иначе как чудо, наступает ответная реакция. В Савелии зажглась надежда, и я понял, что он будет со мной до конца.

– Это произойдёт совсем скоро, через год. Поможешь мне?

– Чудно всё это. А что ещё можешь, кроме видения будущего?

– Многое... а может, совсем ничего. Давай о другом, более важном на сегодня поговорим.

Я вот что хотел у тебя спросить, какие доспехи и оружие вам более привычны? Что бы вы хотели иметь, исходя из того, что столкнуться придётся не с беглым рабом, а возможно, с хорошо вооружённым пехотинцем или всадником? Просто из сказанного вчера я понял, что все сносно управляются с копьём и кольчуга со шлемом предел мечтаний. Но самое основное – могу ли я положиться на этих людей?

– То есть ты дашь нам любое оружие и бронь, какие бы мы не попросили?

– Именно. Всё кроме лошадей, их у меня с собой нет.

– Я не буду хвастать, что со мной остались лучшие. Это далеко не так. Остались те, кто смог выжить там, где сложили голову самые опытные, а значит, удача их не оставила. Кто-то, к примеру Ратибор, с пяти годков к острому железу привыкал, и мне кажется, что нет такого оружия, с которым бы он не подружился. А взять Велимира, так он только три года назад первый раз секиру в руки взял. Вот такие со мной люди: все разные, все со своими судьбами, своими думами и пристрастиями. Мне они доверяют и сделают то, что я скажу.

После помывки отряда настала очередь рабов. Бросив в костёр их старые лохмотья, я выдал им робу, объяснив, как обращаться с новинкой; что тренчик удобнее носить под рубашкой, а не поверх. Однако привычка подпоясываться по-своему взяла своё, и мне пришлось не обращать на это внимания. Рано или поздно народ сам придёт к правильному решению. Брюки, не застёгнутые на пуговицы, спадали, и лишь когда они сами убедились, что надо не подкатывать материю у живота, а делать всё, как говорят знающие люди, с одеждой справились. Тем временем подоспел завтрак, а я отправился за оружием.

Окончив приём пищи, Савелий собрал своих товарищей и что-то им втолковывал. Что им он говорил, я не слышал, но лица были явно заинтересованы. Проверив, всё ли готово к дальнейшему представлению, которое я собирался разыграть, вышел из палатки и подошёл к ним.

– Савелий, сейчас надо принять решение, принесёте ли вы мне клятву верности и будете великими воинами или останетесь на три месяца простыми охранниками.

Я развернулся и пошёл в сторону шатра.

– Алексей! Мы дадим клятву, – раздалось за моей спиной.

Не оборачиваясь, я зашёл в палатку. Взяв раскладной стол и вынеся его наружу, накрыл красным сукном. Наблюдая за моими действиями, рязанцы окружили стол полукругом. Восемь мечей легли перед строем. Следующей ходкой я вынес знамя, укрепив его в треножнике из-под новогодней ёлки. Красное полотнище затрепетало на ветру, и откуда ему было взяться, если ещё минуту назад даже травинка не шелохнулась? Минутный порыв был настолько сильным, что чуть не сорвало сохнувшие на верёвке мочалки. С реки дохнуло на потемневший вдруг холм холодным воздухом, солнце сверкнуло лучами и спряталось за чёрную тучу. Молнии, готовые в любую секунду сорваться с краёв облака, не пускаемые чьей-то могучей рукой, сжигали себя, пахло грозой. Но новый порыв вновь осветил холм, разорвал тучу в клочья, и солнце озарило небосклон короткими вспышками, словно по его раскаленному ободку кто-то ударил гигантским молотом. Началась присяга.

– Сотник Савелий! Подойди ко мне.

Савелий гордо расправил плечи, в глазах решимость, и мне отчётливо стало видно, что теперь для него начинается восхождение к новому для себя, более высокому месту в мире, месту, которого он, безусловно, заслуживал.

– Повторяй за мной. Я, Савелий, клянусь защищать свою Родину до последней капли крови, служить Алексею верой и правдой, и если я нарушу данную мной клятву, то пусть покарает меня бог. Клянусь.

Я протянул меч. Сотник вынул меч из ножен и взмахнул над головой.

– Любо! – заорал он.

– Любо! – ответили семь голосов.

Каждый подходил к знамени, принимал присягу и получал меч. Внезапно сверкнула молния, и спустя несколько секунд раздался страшный грохот. На небе уже не осталось ни облачка, а где-то рядом, со стороны Мстиславля зарядил такой ливень, о котором говорят: «льёт как из ведра». Я достал бутылку шампанского, выбил пробку и налил вино в специально приготовленный для такого случая кубок.

– Это наша первая братина. Выпьем же это пенное вино на радость нам, пусть сгинут враги с земли русской!

После того как кубок опустел, торжественное мероприятие можно было объявлять закрытым. Настало время выполнять обещания. Выделенные Савелием люди вынесли из шатра несколько сундуков, сумку и длинный свёрток. В первом, наиболее объёмном ящике лежали каплевидные щиты, шестьдесят на девяносто, оклеенные качественным брезентом со стальным умбоном в центре. Во втором были доспехи с сопутствующей амуницией, а в самом малом находились каски. Тут же началась примерка и испытания. Обыкновенная бриганта, но сталь её пластин на это время не пробивалась ни одним оружием. Стрела, выпущенная из лука с десяти шагов, ломалась, топор только оставлял след. Придя в восторг от брони, рязанцы сникли при виде касок – шею и лицо не защищают, однако отсутствие клёпанных или сварных швов, а также идеально ровная поверхность – изумили. Только это было не всё. Каждый получил по трёхметровой рогатине и чекану. Дальше пошли портупей с ножнами и ножи. Их сталь была выше всяких похвал, но всеобщее внимание привлёк арбалет, оказавшийся в руках Савелия. Сотник и раньше видел подобное оружие, но чтоб использовались блоки и был приклад с рукоятью, никак не вписывалось в его понимание. Пришлось показать, как заряжать и целиться из него, сопровождая все действия подробными комментариями. С пятидесяти аршин гарантированно поражались цели, защищённые двухмиллиметровым железом, хотя я бы и на вдвое больше расстоянии не рискнул подставить под выстрел латника.

– Наш панцирь тоже пробьёт? – спросил кто-то из рязанцев.

– Нет, но удар будет сильный. Возможно, сойдёт с ног, будет больно. Хоть наконечники болтов и из специальной стали, но здесь, – похлопал себя по груди, – посерьёзнее будет.

После пробных стрельб на свет божий появились заготовки для арбалетных болтов. Умение изготавливать стрелы – это мастерство, но в нашем случае вся тонкая работа уже была выполнена. В одном из ящиков россыпью лежали наконечники, рядом коробки с древками для болтов, в мешке оперения для них. Присев на заколоченный ящик от гвоздей я стал собирать из заготовок конечный продукт, используя эпоксидную смолу. Древко входит во втулку наконечника и в принципе держится и так, можно закрепить на гвоздик, но лучше приклеить.

– Мажем клеем тут, – говорил я, – приклеиваем оперение, затем тут, приклеиваем наконечник. Этот клей клеит всё, даже железо. После этого наконечник смазать пушечным салом и в пенал. Каждый делает пятьдесят болтов для себя.

Надеюсь, обойдёмся без учебных. Отдав распоряжение, я занялся с не менее важной по значимости в моих планах второй частью коллектива. Теми, кто составлял основную рабочую силу, рабами. И если с воинами всё получилось без шушуканий, то подневольные после этого дня иначе как колдуном меня не называли. Любое начинание возникает из малого, как

кольцо из звена; а когда существует чёткий план, то кольца, рано или поздно превращаются в цепочку. Сделать нужно было многое, но исходя из квалификации работников, рассчитывать приходилось на самое примитивное. Как то оборудовать место под лесопилку, что сделали очень быстро, и построить причал или подобие его. С помощью двуручной пилы, которую сразу окрестили «волшебной» (потому что зубья не сломались и длина три аршина), свалили несколько деревьев. Получив от меня топоры, под присмотром охранника, работники обрубили сучья и подготовили брёвна для дальнейшей обработки, расщепив клиньями вдоль волокон. Из подсобного лесоматериала сбили козлы. Затем начался тяжкий труд. Брёвна тяжёлые, пока одно затащишь и обработаешь, семь потов сойдёт. Тем не менее, там, где тяжело вдвоём, в три пары рук справиться уже легче. Мои помощники работали с почтительным трепетом. Никаких вопросов. Не потому, что боялись наказания, а потому, что не знали, чего ещё можно ожидать. Иными словами, культурный шок налицо. Так как за один день они не только стали обладателями новых технологий, но и выяснили, что существуют совершенно незнакомые им инструменты, гораздо удобнее, чем те, с которыми им приходилось иметь дело ранее или просто видеть. Работать топором умели все, иначе не выжить, с двуручными пилами они уже освоились, хотя удивление от «фокусов» легированной стали присутствовало, а вот рубанки, фуганки и прочее, не говоря уже о струбцинах, стали откровением. Как только на лесопилке стало более-менее получаться и появилась пара досок, из которых изготовили столешницу для обеденного стола, я отправился к реке. Используя лодку и верёвку с грузиком, измерил глубину фарватера. Тут пришлось удивиться мне. Начиная от берега, дно круто уходило вниз. То есть, сделав два шага, я погружался бы с головой. В моём времени Сож заметно обмельчал. Наверное, из-за вырубki леса. Идею вколотить брёвна-сваи кувалдой пришлось отложить – долго, так как нужно было чуть ли не выстелить дорожку на воде. Пришлось действовать иначе. Исходя из того, что опоры забиваются на полметра в дно реки, на берегу изготовили стол с шестью ножками из свай. Две ножки длинные, две короткие, посередине нечто среднее. Между сваями прибили крестовины. Готовую конструкцию снесли к реке, с помощью верёвок и шестов поставили стол на основании выступающих досок и отпустили верёвки. Под силой тяжести настила сваи вошли в дно реки. Затем с помощью отвеса уравнили поверхность, поочерёдно доколачивая кувалдой. Причал был готов за считанные часы. Сомневаюсь, что он переживёт будущий ледоход, но пока вышло так.

За текущую неделю я несколько раз совершил переходы домой, каждый раз возвращаясь с переполненной тележкой. За эти дни мы успели подготовить основу под будущий дом и немного исследовать округу. Камень хоть и располагался у реки, однако место это иначе как глухомань назвать было нельзя, и потоков торговцев продовольствием я не наблюдал. Народа же было почти два десятка, и все хотят кушать. Один раз наловили рыбы, другой раз удачно поохотились, но этого стало недостаточно. Пришлось привозить продукты для лагеря, а вместе с ними и товары для Пахома, в основном металл, в виде стальных полос и круглой арматуры. Полина же предложила загрузить нашего купца изделиями из стекла. Гранёные стаканы, кувшины, вазы, дешёвая оптика, оконное стекло, зеркала стали появляться на базе «Средневековье». Всё складировалось на берегу, под брезент. Ящики вместе с немногочисленными мешками были пронумерованы и снабжены краткими описаниями с иллюстрациями. На пробу, для исследования рынка, прихватил пенал с иглами и горсть английских булавок. Ещё одним товаром стали специи. Перец, корица и гвоздика размещены в одном большом сундуке, разделённом тремя перегородками. Если сундук раскрыть и выставить на обозрение покупателю, то внутренняя сторона крышки, с помощью картинок, наглядно демонстрировала, какую специю и для приготовления каких блюд можно использовать. Например, над отделением с гвоздикой были нарисованы мясные блюда, куда клались черешки, а в сладкие блюда – шляпки этой специи. Было у гвоздики и другое предназначение – её использовали для освежения дыхания. В древние времена китайские императоры династии Хань заставляли своих придворных усердно

жевать бутон гвоздики перед приёмом, а во время аудиенции непременно держать во рту. С корицей было проще. Картинки советовали употреблять порошок с мёдом, дабы избавиться от множества болезней: начиная от зубной боли и расстройства желудка, заканчивая укусами насекомых. Перец же можно было сыпать куда угодно. Выпечка, мясо, рыба, да хоть себе на язык. К сундуку прилагались аптекарские весы и миниатюрный совочек. Среди этого многообразия десятков пар кирзовых сапог с байковыми портянками и пяток пятипудовых бухт джутового каната даже не смотрелись.

* * *

Купец всё же прибыл. С задержкой на три дня, когда я уже потерял последнюю надежду. После полудня, около двух часов, дозорный заметил ладью, идущую на вёслах, о чём громко сообщил остальным. Выйдя к причалу, я стал дожидаться долгожданной встречи. Пахом стоял на носу судна и махал рукой. Вот и настал момент истины. Если иконы на борту, то план два можно считать успешным. Одна из них поедет в Керчь, две останутся на память. Осталось загрузить товар на продажу и договориться со строителями, если таковые будут.

Кормчий искусно подвёл судно к пристани, однако днище всё же заскрежетало по песку. Нужно было делать поперечную пристройку, но хорошая мысль приходит как обычно с опозданием. Ладья на две доски возвысилась над причалом, посему трап спускать не стали и Пахом просто перешагнул через борт, а спустя пару шагов уже находился рядом со мной.

– Здравь будь, Лексей.

– И тебе не хворать.

– Задержался я немного, но всё привёз согласно уговору. Евстафий, подай образа.

Помощник купца перекрестился и подал завернутые в холстину иконы. Я развернул ткань, посмотрел на раритет, размером с ладонь ребёнка и завернул обратно.

– Добро, Ильич. А мастеровых привёз?

– А как же. Только вот какое дело. Артель нанял с трудом. Все заняты работой, в Смоленске снова был большой пожар. Согласились лишь те, кто не нашёл работы в городе и кроме топора почти не имеет инструментов. Но и без них как-то справлялись.

– Пусть так, инструменты я дам. Зови бригадира.

– Кого звать?

– Ну, главного, над мастерами.

– Фрол, – позвал Пахом мужичка с перетянутым шнурком волосами и тощей котомкой в руках, – ходь сюды.

Пока Фрол перелезал через борт ладьи, мы продолжали начатый разговор, направляясь к ящикам под брезентовым тентом. Новгородец успешно расторговался шёлковыми сорочками с платками и закупил крупную партию дёгтя, о чём немедля, во всех красках поведал мне. Правда, видя моё равнодушие, запал быстро закончился. Не то, что я проявлял к этой торговой операции интерес: купил и купил, бог с ним, с дёгтем. Меня волновало другое. Раз весь шёлк по бешеной цене разошёлся в два торговых дня, значит, рынок в городе серьёзный и ставка на торговлю в этом регионе сделана правильно.

– Есть взаимовыгодное дело, Пахом Ильич, которое я хотел бы обсудить с тобой сегодня вечером. Тут приготовлен для тебя товар, как ранее было оговорено. Осмотри его, прикинь цену. Где будешь торговать – это твоё дело, но лучше в Смоленске. Меня интересует золото, серебро и шкурки соболя.

– Может, лучше дёготь возмёмшь? Хорошую цену дам, – перебил меня Ильич и, видя, как я отрицательно повертел головой, закрыл рот.

– Вот мой товар, – я показал рукой на сундуки, – всё упаковано. Запоры открываются вот так, рычажок на себя и готово. Разговор наш будет долгий, так что ты пока осмотришь, что будет неясно, запомни, и вечером я отвечу, а пока с артелью приехавшей поговорю.

Бригадир строителей не спеша, с ленцой подошёл к нам, посмотрел на меня и стал ожидать. Судя по его одежде, в достатке он не жил. Просторная бледно-серая домотканая рубаха, длиной почти до коленей, тоненький пояс из крученой кожи и штаны с латками, заправленные в выдавшие виды поршни. А ведь плотник достаточно уважаемая профессия, что ж должно было произойти, чтобы оказаться в таком виде? Как говорят: «потонуло в половодье всё, только руки при себе остались, да одёжку добрые люди дали». В душе у меня закралось подозрение, что прибывший специалист имеет, мягко сказать, недостаточный уровень квалификации. Как я уже успел выяснить, здесь плотничают все взрослые мужчины, и не зависимо от того, чувствуешь ли ты дерево, слушается ли тебя топор – это одна из ипостасей русского человека. Иначе не выжить, нужда заставляет. И как нередко бывает, встречаются плотники разные: и плохие, и средние, и хорошие. К какому типу стоило отнести прибывшего, ещё предстояло выяснить.

– Это тот важный грек, о котором я тебе говорил, – прошептал Пахом Ильич строителю, – будешь с ним рядиться.

– Добрый день, Фрол. Меня зовут Алексей Николаевич.

– Фрол, сын Игната, – бригадир строителей поклонился.

– Что ж, Игнатович, пойдёмте к шатру. Там и поговорим обо всём.

Поднявшись на пригорок, мы подошли к столу, стоявшему напротив палатки. Я зашёл внутрь и вернулся оттуда с рулонами бумаги.

– Фрол Игнатьевич, хочу построить дом на месте палатки и хозяйственные пристройки. Территорию обнести забором, желательно каменным или кирпичным. Вот рисунки, как это должно выглядеть.

Над этими эскизами почти неделю трудился юный архитектор, новоявленный выпускник вуза, оставшийся без работы. В основу был предложен проект дома возле Хиславичей и немного фантазии в стиле средневековой русской усадьбы. Единственной проблемой оставался фундамент. Стальные сваи подходили лучше всего, но выполнить такой объём работы без привлечения специальной техники просто невозможно. Даже простой, ленточный фундамент и то казался несбыточной мечтой, не говоря о монолитной плите. Так что расчёты были сделаны на грани фола и весь запас цемента уже лежал в земле.

– Лепо намалёвано, – еле слышно сказал строитель, боясь прикоснуться к листу, – палисад значит, надобен, хм-м... Игнат с камнем работать умеет, но тут инструменты нужны специальные, известь опять же, песок, медь али бронза, железа много. С собой этого нет, да и в Смоленске сейчас днём с огнём не найти. В этом году никак не получится, только из дерева если.

– То не твоя забота. Кстати, а чем вы работать собирались?

– Как чем? Как и все, так и мы. Топором да руками.

Возведение любой постройки, даже самой малой, без хороших инструментов – гиблое дело. Понимая это, конечно, я подготовился. Вот только, насколько они будут эффективны при средневековой технологии строительства, предстояло выяснить эмпирическим путём. Не забыл я и о том, что «город строится не только топором, а ещё и рублём». Запроси мастеровые заоблачную сумму, немедля будем прощаться. С расценками меня ознакомил Савелий, так что на дальнейший разговор я настроился весьма серьёзно, и нытьё про потоп со сложностями архитектурных инноваций пропустил мимо ушей.

– Инструменты нужные и материалы, какие попросите, я вам дам. Сколько возьмёте за работу?

– Прямо так, всё, что запросим? Ну, ежели харчи наши, а всё остальное ваше, то за десяток новгородских гривен столкуемся. А там уж как бог положит. Ты ж на кургане дом ставить хочешь, а это дело такое, тайное. Предки должны разрешение дать, да кто лежит здесь, равнодушным не останется. Я спрошу, что надо сделаю, а как будет – не знаю.

– Сделаем так. Ты, с кем необходимо, договорись, в астрале там пообщайся, в общем, всё, что надо, сделай, только с завтрашнего дня начинай строить. Столоваться будете за мой счёт. Завтрак, обед, ужин и вечерний чай. Мне так спокойнее будет, а то вместо работы пойдёте на охоту, да ещё медведю в лапы угодите. Инструменты, какие потребны, я приготовил. Осмотри сам, сундуки вон, слева от шатра. Всё, что необходимо, отложи в сторону, чего не хватает – скажи, остальное оставь. По окончании работы, если приглянутся, вы сможете их выкупить по хорошей цене. Как посмотришь, посчитай, сколько по времени займёт стройка.

Я подвёл бригадира к ящикам с инструментами. В самом большом лежали: лопаты, двуручные пилы, рубанки, медведки, шерхебели и скобели. Ручные дрели, фуганки, стамески, зубила в сундуке поменьше. Отдельно в двух ящиках лобзики, молотки, тесла и плотницкие топоры. Кирки и три лома с кувалдой валялись на земле. Такое отношение к железным инструментам возмутило мастера, но вида он старался не подавать. Хотя, возможно, он впервые увидел такое разнообразие, применение которому можно было вообразить только в самых смелых идеях. Ведь речь шла о той самой сакральной грамоте, выведенной волокнами древесины, которую настоящему мастеру всегда есть резон познавать. Ибо дать новую жизнь дереву, сохранив его душу, сродни великому искусству. Задумался ли над этим Фрол или над чем-то другим, я так и не узнал.

– Лексей Николаевич, – спросил меня строитель, отвлекшись на секунду от созерцания ящиков – а что такое вечерний чай?

– Это так, перекус перед сном.

Спустя некоторое время, когда строители собрались в одну кучу, а я направлялся к Пахому Ильичу, ветер донёс обрывки разговора:

«Кормить обещал четыре раза в день. Не один, как везде, а четыре... А серебра сколько даст? Десять новгородок, думаю, на меньшее соглашаться не след. Видал, сколько железа у него? Ага, лопата-то, полностью...» – О чём разговор пошёл дальше, мне слышно не было.

В это время Ильич рассматривал товар и охал. Подобного сокровища, собранного в одном месте у одного человека, ему ещё никогда не приходилось видеть. Стекло он осматривал как-то в Новгороде, в доме посадника, и оно было с две ладошки, заметно уступая слюдяным пластинам. А тут, широченный лист в половину роста человека и прозрачное как воздух. «Такое можно продать на вес золота, – зародилась мысль у купца, – а зеркала! Толстопузый венецианец торговал одно зеркальце за золотую гривну. В ту мусть и себя не разглядеть. В это же посмотреть – страшно становится, словно твоя копия в потустороннем мире обитает. Надо будет упросить Лексея, уступить ему одно маленькое по себестоимости, дабы привезти такое чудо в Новгород. Кубки, тоже из стекла, жаль не цветные. За цветные дали б поболее. Так, а что в этом сундуке? Ишь ты, какие фибулы, серебряные, что ли? Не, железные, но тонкие какие. А тут, иглы, коробочки с крючками. Великого мастерства кузнец, раз сумел такое отковать. Интересно, а что в этом сундуке? Ничего себе, это же перец! Да сколько тут всего? В горшках глиняных не иначе вино, раз гроздь винограда нарисована, как у греков. Так, ткани, ещё ткани, а это что такое узорчатое? Похоже, платки».

– Ох, ах, не может быть, какое чудо! – разносилось от ящиков.

Наблюдать за Пахомом было просто весело. Если б мне показали бластеры или скатерть-самобранку, представляя себя на месте аборигена, наверное, реакция была бы такая же. Зайдя Ильичу за спину, я чуть слышно покашлял и произнёс:

– Пахом Ильич, не пора ли погрузку начинать? Время дорого.

– Так пересчитать надобно, записать.

– Тут всё в сундуках, на каждом из них написано сколько товара. Вот список. Всё пересчитывай и записывай.

Пахом взял листок в свои руки и, ничего не поняв в надписях, даже перевернул его вверх тормашками.

– Не по-нашему тут. Похоже, но не пойму. – Отдавая лист назад. – Я сейчас дощечку с воском принесу, ты прочтёшь мне, а я запишу для себя.

«Странно, – подумал я, забирая свою писанину, – вроде всё записано кириллицей, или у новгородцев до сих пор глаголица в ходу?»

Пока Евстафий искал вошёную дощечку, как назло запропастившуюся куда-то, мне проще было отдать Пахому Ильичу новый блокнот. Закреплённый на шнурке карандаш похож на стил, так что купцу не пришлось ломать голову, что к чему приложить. Цены он писал через дробь. Сверху моя цена, а снизу его. Выглядело это как набор букв. Чужому человеку не понять, нужно знать кодовое слово, с помощью которого «т», «д», «л» превратятся в цифры, порядок которых от единицы до нуля соответствовал буквам. Секретные торговые меты у каждой купеческой семьи свои. У одних слово «трудолюбие», у других «правосудие», третьи используют «ярославцев», или кто на что горазд.

После составления описи началась погрузка товаров, а мы договорились, что следующая наша встреча состоится дней через десять-двенадцать. Этот срок определил сам купец, выслушав мои пожелания. За это время Пахом Ильич намеревался арендовать склад в Смоленске, развернуть торговлю, и постараться войти в доверие к князю путём передачи ему подарков от боярина из Мурманска, который остановился в этих землях и желает стать его подданным. Он и сам приехал бы, да в дороге занемог и передаёт верительные письма, написанные как ни странно по-гречески. А дабы налоги в казну приходили, то хотелось бы документально зафиксировать право собственности на землю, где боярин пребывает и шатёр временно поставил. Что касалось расчётов, то мудрить особо не стали. Деньги, вырученные за товар, купец согласился конвертировать в нужные мне предметы, а третью часть оставлять себе. Помимо этого с ближайшей okazji, желательно не позднее оговоренного срока, должны были быть привезены женщины: десяток, приятной наружности. Эту идею подкинул уже сам Пахом Ильич, обратив внимание на сугубо мужской коллектив. Как-никак, а работать по хозяйству бабы более привычны, ну, может и ещё чего, по согласию сторон. К моему сожалению, не обо всём удалось договориться. С доставкой камней решили немного обождать. Необходимо было уточнить, что окажется дешевле – булыжники нужной формы или кирпич и где это всё брать? Везти за тридевять земель как-то неразумно, а где это всё есть поблизости, никто не знал. И наконец, остался ещё один предмет, который обязательно должен был забрать с собой новгородец – подарок князю. Не простой, а сопоставимый по стоимости с участком земли, на которую я претендовал. Понимая, что цена прямо пропорциональна удалённости от столицы, и сомнительно, что будет очень высокой, не стоило забывать тот факт, что земли кому-либо уже могли принадлежать, а значит, не стоит рассчитывать на его величество случай. В данной ситуации лучше действовать с запасом. Я сходил в палатку и вынес огромные, в рост человека часы. Сам механизм с единственной часовой стрелкой занимал немного места, остальное просто красиво инкрустированный «золотой фольгой» шкаф с потайной дверцей внутри, закрывающейся на врезанный замок. Часовой мастер, который регулировал ход механизма, дал гарантию на три года и я не боялся оконфузиться.

– Это механические часы, вот ключик, им надо заводить часовой механизм один раз в два дня. На всём свете такие часы есть только у великих властителей. Теперь будут и у князя Смоленского. Ну а княжне подаришь зеркало большое, ибо «ночная кукушка дневную всяк перекукует».

Купец кивнул головой, соглашаясь, однако посетовал, что подход к княжьему терему долог, а он, к сожалению, не настолько родовит, чтобы просто так заявиться к властителю.

На этот случай я предложил действовать через княжескую свиту, и вновь пришлось идти в палатку, за следующим подарком.

– Отыщешь в Смоленске ближайшего советника князя, – продолжал я, – который, видимо, всем и заправляет, скорее всего, он будет из Полоцка. Если подмазать ближника, объяснив ему, как выгодно занять боярина именно на этом месте, то он скажет нужные слова князю. Я не претендую на охотничьи угодья и лес, так, только чуть-чуть. Да и далековато отсюда до столицы. Передашь ему от меня вот этот кортик. Он привезён из Иерусалима. Сталь прекрасная, но дело не в ней, а в том, откуда она, к слову, оцени.

На доску была положена монета, после чего я вынул кортик из ножен, приподнял его на уровень глаз и отпустил остриём вниз.

Бумц! – раздался звонкий удар.

Клинок пробил монету и, воткнувшись в дерево, слегка завибрировал. Ильич нагнулся, выдернул кортик, потрогал пальцем остриё, затем посмотрел на пробитую монетку и спрятал её в свой кошелек на поясе.

– Кортик хорош, – резюмировал купец, – как подарок – лучше не придумать, но эта земля, возможно, уже кому-то принадлежит. Не приведи Господь церкви, эти ничего не отдают. Не знаю, как у вас, в Византии, а у нас, в Новгороде, потребовали бы откупного.

– Пахом Ильич, не из чего давать. Серебра пока нет. Есть только кольчуга с капюшоном. Как откупное подойдёт?

– В бронях я разбираюсь, нужно посмотреть, – чуть слышно добавив, – если не ржавая и залатанная, то сгодится.

Ильич долго рассматривал кольчугу. При помощи мизинца сравнивал диаметры колец, один раз даже обрадовался, но вновь скис, признав, что колечки один к одному, и такую работу кузнец делает год.

– Лексей! – утвердительно произнёс Пахом. – Супротив этого никто не устоит.

Теперь настал вопрос о том, каким образом мы будем общаться, находясь на приличном расстоянии друг от друга. Совсем не подумав о последствиях, я рассказал о рации и нисколько не пожалел об этом. По большому счёту, если кто и увидит, то всё равно ничего не поймёт и повторить не сможет, но может проявить интерес, а это хоть и не с руки, но не фатально. К этому времени у меня уже была установлена антенна, пока на самом высоком дереве, но её высоты в тридцать метров хватало, чтобы связь в телефонном режиме осуществлялась как минимум до Смоленска, как я предполагал. Вот и не мешало бы её проверить. Я показал Пахому переносную радиостанцию, помещённую в сундук. Через полчаса объяснений по использованию рации и клятвенного заверения, что колдовства нет (так мне и поверили), мачта ладьи от антенны не пострадает и всё творение рук хитроумных греков, гораздых и не на такие выдумки, мы провели тренировку. Я отъехал на лодке метров на триста от базы и вызвал купца. Ильич кричал в микрофон, что всё слышит и даже видит меня на реке, правда плохо, но если я помашу тряпкой в руке, то неуверенность рассеется. Пришлось помахать. После этого случая Пахом Ильич окончательно перестал ставить под сомнения мои слова, но отнёсся к новым возможностям с изрядной долей скептицизма, хотя и признал, что вещь нужная. После того, как я его предупредил, что пользоваться рацией надо осторожно, без лишних глаз, купец осознал свою причастность к некой тайне, а это связывает сильнее многих договорённостей. Пообещав не совершать глупостей, Ильич задал вопрос, более чем по существу, – в какое время поворачивать рычажок, чтобы услышать меня? Договорились на полдень. А чтобы этот самый полдень не пропустить, для определения времени ему были отданы часы, чему он обрадовался гораздо больше рации. Амулет блестит, тикает, а под стеклом иголки двигаются. Две иголки вверх – значит полдень. Разве не прелесть? После тщательного изучения часов настала очередь Пахома Ильича меня удивлять. Приглашение священника, после урегулирования земельных вопросов, я даже не рассматривал, а зря. Вторая власть в тринадцатом веке уже

крепко вгрызлась зубами в право окучивать подвластный народ и своего куса не отпускала. И если смерд мог не задумываться над вопросами вероисповедания, точнее оплаты десятины, путём бегства в леса, то боярскому сословию сей представитель был просто необходим. Ещё одна причина, по которой встреча с церковью была неизбежна, оказалась территориальной. Место стояния шатра ориентировочно совпадало с одним из давно заброшенных капищ. На старинном пергаменте Ильича, передаваемом из поколения в поколение, где были обозначены торговые маршруты и города, скромный холм с камнем по пути на Мстиславль был обозначен свастикой. Как мне объяснил купец в своё время, стоянка окрест этих мест была самой безопасной. Следуя из этого, молебен в одном из храмов Смоленска с упоминанием имени и места был просто необходим, а личная встреча избавила бы от множества вопросов. Во избежание подозрения в связи с язычниками я поручил заказать молебен и привести служителя культа к камню, дабы он благословил начало стройки. На следующее утро после нашего разговора ладья ушла в Смоленск. Началась моя легализация.

* * *

Возможность оценить удобство нового вида связи Пахом Ильич испытал через несколько часов после отхода ладьи в Смоленск. До сего момента самой скоростной передачей послания считалась голубиная почта. Безусловно, удобная и пережившая века, она заслуживает самых лестных отзывов, но есть один недостаток. Время общения между людьми напрямую зависело от расстояния и мускульной силы птицы, то есть скорости. А время, как известно, определяется на основе этих величин. Именно времени у новгородского гостя и не было. Пахом вышел на связь и сообщил, что его преследует судно, не иначе как с выгонцами, появившееся из притока реки совсем недавно, когда команда остановилась на отдых. Во враждебных намерениях лихих людишек он не сомневается, а так как против течения ему не выгрести, воинов он оставил мне, то ладья идёт назад. Тати совсем рядом, и помощь нужна как никогда. Время было дорого, потерять купца мне не хотелось, слишком многое было поставлено на него. Я, Савелий и ещё четыре бойца, которых отобрал сотник, спешно грузились в лодку. Прихватив свой карабин, я окинул взглядом отряд. Пара арбалетов с запасом болтов, лук, у каждого чекан и нож, на голове каска, тело защищено бронежилетом ЖЗЛ, прикрытым поверх спасательным. Пришлось пояснить, что оранжевая безрукавка удержит на воде, если случится свалиться за борт. Лодка выжимала всё, на что была способна. Вскоре мы прошли приток Хмары, Тушемли и через несколько километров заметили купеческую ладью, а за ней разбойничье судно, уверенно настигавшее свою жертву, прижимая новгородцев к берегу. Главарь татей, громадина, грудь с аршин, в помятом шишаке и в меховой безрукавке на голое тело размахивал топором, задавая темп гребле, зычным голосом подбадривал своих подельников, обхватив второй рукой рукоять руля, умудряясь правильно держать курс. Ещё два человека, под стать гигантскими размерами предводителю, стояли на носу судна, готовя деревянные крюки с верёвками. Остальные на вёслах. Навскидку их было даже меньше команды купца, но эта троица «культуристов» с лихвой заменяла десятерых.

Ильич практически достиг берега, когда мы почти поравнялись с ним. Выключив двигатель, я изготовился к стрельбе и выпустил весь магазин в сторону бандитского струга. После громко работающего мотора карабин, снабжённый глушителем, стрелял практически бесшумно. Удачно ли я расходовал боезапас, не знаю. Скорее всего, мазал безбожно, лодочка ведь ходуном ходила. Но, несмотря на все препятствия, перезарядившись, с подключившимся к работе стрелком, только и успевавшим накладывать на тетиву стрелы, плотность огня стала достаточной для безоговорочной победы. Предводитель разбойников, взмахнув руками, перелетел через борт. Одному из метателей крючьев оторвало пальцы на руке, а его подельнику пуля угодила в лоб, выбив затылочную кость вместе с мозгами. Лишившись основной ударной

силы, команда на вражеском корабле ударилась в панику. Бандитский струг развернуло, и тут уже сработали арбалеты. Четыре раза я менял магазин, и последние пули впились в борт уже безжизненного корабля, оставшегося под властью течения реки.

Когда мы на вёслах подошли к застрявшему на песчаной отмели судну Пахома, пираты не проявляли никакой активности. Слышались вопли раненых. Струг, с торчащими из бортов вёслами несло течением к новгородской ладье. Вскоре он замер, накрываясь на левый бок, зацепившись за выступающие из воды ветки давно сломанного дерева. Новгородцы даже не пытались сойти с мели, всё ещё не веря в чудесное спасение. Команда столпилась на корме, всматриваясь на скатившиеся в кучу тела преследователей.

Теперь можно было осмотреть приз. Метров пятнадцать длиной и два с половиной шириной, судно навскидку имело тонн шесть водоизмещения. Резное оголовье форштевня разбойничьего струга расщепилось, в бортах некоторые дырки насквозь, но серьёзных повреждений не было. Немного подлатать, и пяток годков ещё будет бороздить речные просторы. Подплыв к стругу, два бойца шустро перебрались на него.

– Живых больше нет! – крикнул кто-то из абордажной команды, закончив добивать раненых.

Рязанцы подобрали оружие: топоры и пару дубин, обитых железными кольцами. После этого скинули тела за борт, отчего судно качнулось, рассталось с удерживающей его корягой и избавилось от крена. При обыске струга нашли кучу коротких верёвок, мёртвую женщину, прикрытую мешками, и несколько колодок на шею – стандартный набор охотников за живым товаром, как пояснили мне чуть позже.

За это время новгородцы слезли с мели, обошли по воде корабль разбойников и пристроились рядышком. Я перелез на ладью через трофейное судно, попутно осматривая пиратскую посудину. Плоскодонка, с отвесными, источенными жуком, изрядно потрёпанными бортами и заострёнными оконечностями, не внушала доверия. Набойная ладья Пахома Ильича была куда надёжнее, массивнее, правда, уступала в скорости по сравнению со стругом, но это преимущество для меня значения не имело.

– Пахом Ильич, помнишь, я за камни тебе говорил, а ты сомневался, на чём перевозить? Вот баржа, владей.

Долго упрашивать новгородцев не пришлось. Привязав призовое судно к ладье, Ильич направил на него своего помощника, а я поздравил купца с удачным завершением боя, похвалил за сообразительность с рацией и пожелал счастливого пути. С тем мы и отплыли, но не одни. Пришлось брать с собой раненого родственника кормчего. Бедолаге угодил дротик в плечо, нанёсший серьёзную рану. Что удивительно, каменный наконечник располосовал плоть как великолепно заточенная бритва, и крови как бы не литр вытек, отчего бледный новгородец был в полуобморочном состоянии. До базы ехали, не проронив ни слова. Савелий с бойцами были под впечатлением. Украдкой поглядывали за спину, бросая взгляды то на лежащий в моих ногах карабин, то на меня. Уж больно понурый я выглядел. А в душе моей была полная пустота. Я впервые стрелял по живым людям и кого-то наверняка убил. Сразу после боя я об этом не думал. Чувство ответственности за людей, которые пошли за тобой, скрутило нервную систему в крепкий кулак. А вот сейчас, когда всё пошло спокойным чередом – нахлынуло. Нет, меня не выворачивало наизнанку, я не покрывался потом и не трясся от волнения. Я был в какой-то прострации, словно вокруг меня несуществующий мир, а всё, что я делаю, совершает кто-то иной, сидящий внутри, скрывавший до поры до времени своё существование. И если бы не случайный всплеск воды, вызвавший брызги, попавшие мне на лицо, то даже не представляю, как бы я жил со всем этим дальше. Придя в себя, я зачерпнул ладонью воду из реки, омыл лицо, бросил взгляд на карабин и подумал, что не совсем удачно выбрал оружие.

После прибытия, когда все манипуляции с йодом и перевязкой раненого новгородца были закончены, я сидел на складном стульчике у костра, как ко мне подошёл сотник.

– Алексей, что за оружие у тебя такое? Похоже на твои самострелы, а тетивы нет.

Я показал патрон от «Сайги», плоскогубцами вынул пулю, объясняя принцип действия газов, ссыпанный на кору порох поджёг, после чего предложил сделать выстрел по мишени. Рязанец замаялся. Тогда я смастерил детскую рогатку из медицинского жгута и выстрелил из неё пулей. Это было более понятно, и Савелий согласился попробовать повторить выстрел. А вскоре, с моей помощью нажал на спуск карабина. Голову чучела просто оторвало. Пуля удачно попала в шест, на котором был закреплён мешочек набитый пожухлой травой, но все эти подробности были не важны. Эффект превзошёл все ожидания. Подглядывавшие за стрельбой воины уважительно загалдели, выкрикивая поздравления. С удачным выстрелом поздравил и я, а вечером, сидя в плетеном кресле на веранде попивая ароматный зелёный чай в компании Бориса, вспоминал прошедший день в средневековье.

События с пиратами поставили под сомнения мою военную подготовку. В тире я стрелял весьма метко, но в реальном бою две трети выстрелов ушли в молоко. А ведь бил менее чем с тридцати метров, и стрел в ответ никто не пускал. Тем не менее, я прекрасно осознавал, что карабин можно применить как оружие обороны всего лишь от нескольких противников. Я же умудрился столкнуться с целой бандой, и неприятности, как известно, имеют особенность только нарастать. Вывод напрашивался сам собою: нужно оружие, которое поразит врага в большом количестве за один выстрел, причём я должен был оставаться в недосыгаемости для ответных действий. Автомат хорош, только где его достать? Нарваться на неприятности проще простого. С моими возможностями доступно сделать только пороховые гранаты, а ещё неплохо бы иметь огнемёт, но расстояние, на которое он выпускает струю огня, не превосходит дальности полёта стрелы из самого паршивого детского лука. Нужен совет, и желательно профессиональный, а ещё лучше обзавестись знакомыми с доступом к вооружению; не гражданскому и криминальному, а к самому настоящему, армейскому. Желания иногда сбываются, главное вести поиск в нужном направлении. В конце недели, когда я забирал в Смоленске на оптовой базе самосвал с кирпичом, позвонил Левин. Вроде как случайно он оказался на фабрике по производству окон и предложил пропустить по стаканчику, мол, выкроилось немного времени. Рассудив, что для благого дела тридцать вёрст никак ни крюк, я согласился.

Разговор касался в первую очередь денег. Появилась возможность выгодно вложиться, и меня поставили перед фактом, что практически все средства с того секретного счёта пошли в работу. Не хочу сказать, что я бы лучше распорядился деньгами, напротив, услышанный процент был сопоставим с рискованным банковским кредитом, но то, что всё произошло без моего ведома, несколько напрягало. В итоге вся беседа шла внатяжку, пока на экране работающего в кафе телевизора не пошли кадры документального фильма. Исторические зарисовки рассказывали о предании про византийский огнемёт, и тут Борис рассказал мне один случай. Оказывается, у Фирташа есть младшая дочь, которая замужем за подполковником из ВДВ. Пару лет назад, во время застолья при обмывании новых звёздочек после очередной командировки по горячим точкам, прозвучала история, пересказанная мне во всех подробностях. Суть её в том, что возле какого-то аула, почти в овражке у дороги происходила передача крупной партии наркотиков, и народу там собралось, видимо-невидимо. Наверху о сделке знали, но что-то не поделили и дали команду на уничтожение не только басмачей, но и товара. Боец подполз на расстояние четырёхсот шагов до оных и одним выстрелом из огнемёта «Шмель» зажарил всю банду.

– Представляешь, – Левин поднял указательный палец вверх, подчёркивая значимость слов, – один выстрел ракетой, и пятьдесят шашлыков. Вот тебе и огнемёт! Солдат получил медаль «За отвагу», а зять Фирташа – повышение по званию. То, что бандитов было в два раза меньше – в сводке не указали. Цифра пятьдесят была предпочтительнее. Ну, там виднее.

– Мне бы то же не помешал такой огнемёт. Сможешь достать?

– Ты уверен в том, что просишь? Ты идёшь по стопам Феди, не рано ли?

– Так как?

– Любой вопрос решаем.

На этом наше чаепитие подошло к концу. Левин быстро собрался и уехал. Через несколько дней он позвонил, сообщив, что в ближайшие два дня мне не стоит отлучаться из дома и ждать звонка с номера, который тут же продиктовал. Сомневаться в его словах я не стал, оставалось ждать. За время домашнего сидения к дому всё чаще навевались грузовичок курьерской службы, привозя как большие, так и не очень посылки. Мною были куплены щитки для защиты рук и ног, кирасы из ударопрочного пластика, державшие удар арматурой, и наконец-то прибыли кольчуги с койфами. В последний день моего вынужденного заточения на телефон пришло сообщение: «Буду через пятнадцать минут, открой ворота». Огнемёт привёз родственник Моисея Исааковича. К трубе с ручкой прилагалась дополнительная ракета. Хотя оружие было одноразового применения (прикрепи прицел и можно стрелять), мне поставились всучить абсолютно бесполезный боезапас, неизвестно каким образом попавший к воякам. Возможность применения его как фугаса промелькнула в голове, и мне пришлось сделать вид, что так и должно быть.

На следующий день после этих событий я привёз ручную бетономешалку и переправил в средневековье. Цемент таскал весь день. Вес исчислялся в тоннах, но я боялся, что его не хватит. Поляна за камнем обросла пеньками, а вот машина перехода, на мой взгляд, работала всё медленнее, теперь приходилось ожидать открытия двери, чего раньше не было. Тут в голове всплыло условие завещания. Пять лет, наверное, это время, за которое портал накапливает энергию переноса. Возможно, своим шастанием я израсходовал её так много, что машина стала тормозить. После очередного путешествия, переместившись в своё время под Смоленск, я вызвонил Полину и рассказав о своих подозрениях.

– Необходимо сократить количество переходов, – предложила Полина, – хотя бы в два раза. Я выезжаю к тебе, как только участок «рабицей» огородят. Если что-то надо купить здесь, говори, я привезу.

Это подтолкнуло меня заказать габионы, вернее только сетчатые контейнеры из-под них. Камня и прочей гальки мы уже насобирали достаточно, так что заполнить их сможем самостоятельно, а что получается из подобной стены, земли и ежевики через несколько лет, я хорошо представляю. Договорившись обо всём, Полина согласилась забрать из Починок прочий строительный груз, приобрести несколько ручных швейных машин, запасные иглы к ним, нитки и прибыть ко мне. Создание швейной фабрики было навязчивой идеей, которой, к сожалению, не суждено было сбыться. Пахом подрядился женщин изыскать, вот и будет для них работа – рубахи шить. Только мог ли я предположить, кого привезёт купец?

Через пару дней за воротами раздался протяжный звук автомобильного клаксона. С грузовика сгружали будущую швейную фабрику, арматуру, крепления, стальные жалюзи и ролеты на окна, металлоконструкции и специальный канадский лак, который вроде бы не боится огня, и многое другое. Несмотря на обилие всякой всячины, хитом сезона стал патефон. Чудо техники пятидесятых годов заводилось ручкой. Пять пластинок с русскими народными песнями в исполнении Людмилы Зыкиной, какого-то оркестра и хора Советской армии вместе со стопкой других исполнителей, имена которых выцвели от времени. История приобретения была нелепа и случайна, Полина покупала мыло грязно-жёлтого цвета, когда к ней обратилась старушка, с предложением приобрести у неё музыкальный агрегат. Ибо в её понимании человек, скупивший весь запас мыла в хозяйственном магазине, и мыслить себя не мог без патефона. В результате счастливого случая я обзавёлся интересной вещицей, вокруг которой будут происходить весьма любопытные события. Музыкальные шкатулки были известны давно, так что, технического прорыва в истории я не совершал, посему с лёгкостью и безрассудством забрал патефон в средневековье вместе с пластинками.

За то время, пока мы занимались заготовкой строительных материалов и расчисткой территории «медвежьего уголка», в пятидесяти верстах на север, в стольном граде Смоленске происходили интересные дела. Ильич снюхался с нужными людьми. Выкупил сгоревшую год назад лавку, напоминающую небольшой домик, подремонтировал фасад и стал торговать. Изделия из шёлка снова чуть с руками не оторвали. За короткий срок Пахом стал известен как «торговец заморским товаром» и, уже имея некоторый вес в купеческом мире Смоленска, стал прощупывать почву для нанесения визита к князю. Земляки подсказали, как отыскать ключницу «первой леди», а та за две булавки устроила передачу подарка жене князя с наилучшими рекомендациями и в нужном месте. Дело происходило в лавке Пахома Ильича, куда как бы невзначай заглянула княжна, впечатлённая рассказами ключницы. Это был прецедент. Первые люди города по рынку не бродят, если что-то надо, им и так принесут, но случилось что случилось. Ильич тут же поклонился в пояс, выказал восхищение красотой да мудростью женщины и, дабы та сама в этом смогла убедиться, преподнёс зеркало, которое вскорости упаковали и унесли слуги. Уже уходя, княжна поинтересовалась, чем сможет отблагодарить, в силу своих возможностей и скромного влияния. Купец вскользь упомянул о проблеме и попросил об аудиенции у правителя, а там как карта ляжет. Для супруги князя это было сущим пустяком, но понимая, что разговор без поддержки нужного человека не будет иметь силы, на следующий день через свою ключницу свела Пахома Ильича с одним боярином из Полоцка, ближайшим другом детства князя Святослава. После чего настропала мужа, и Пахом предстал пред очами властителя земли смоленской Святославом Мстиславичем в нужном свете (свой парень, надо помочь). В те непростые времена уважение выказывалось самым банальным способом – дарами, иногда услугой, но подарки были предпочтительнее. Князю были переданы часы от боярина из Мурманска, а от самого купца преподнесены две полосы стекла. То ли настроение у сиятельной особы было хорошее, то ли подарки понравились, но результат встречи превзошёл все ожидания. Полоцкий боярин с новым кортиком на поясе что-то втолковывал Святославу на ушко, тот утвердительно кивал, а затем подписал заранее подготовленный пергамент.

После аудиенции у князя с баржей, нагруженной камнем, битым кирпичом вперемежку с уцелевшей плинфой и кусками известняка, последовал мытарь, который должен был сосчитать душ и оценить имущество, с коего полагался налог. Дорога для него была знакома. На верхнем Соже стояли замки-усадьбы местных феодалов, так сказать, ближняя ко двору знать. Ковшары, Воищина, Колычёвское, Бобыри – везде он побывал в своё время. Тут всего-то вниз по реке на пару десятков вёрст, но даже не дойдя до причала, чиновник удовлетворился малой мздой и не поехал. Если б на телеге да по накатанной дороге на Мстиславль, он бы с радостью, а качаться два дня на лодке – увольте, возраст не тот. Но если серьёзно, всё уже давно было решено и сосчитано. Боярин из Мурманска был признан подданным князя смоленского, о чём указывала соответствующая грамота, написанная единым текстом без знаков препинания. Взятками на Руси решалось всё. Так было, так, видимо, и будет.

4. Новгородский купец и месть киевлянина

Смоленская пристань гудела. Новгородский купец, торгующий заморским товаром, давеча наделавшим столько шума на рынке города, скупал булыжники. Куна серебра за возок, наполненный камнями, размером с голову человека. Деньги на земле валяются, где такое видано было? Горожане отправляли своих детей собирать камни, подростки сколачивали ватажки и, умыкнув телегу со двора, работали на свой страх и риск, подбирая всё, что плохо лежит. Через день город облетела весть, что на торгу появились кубки из прозрачного камня, под названием «стаканы». Люди приходили, приценивались, но покупать отказывались. Те, кто не мог похвастаться богатством, использовали деревянную или керамическую посуду. Зажиточные предпочитали пить из серебра, а ценителей изыска пока не попадалось. Расстроенный Пахом выставил перед лавкой приказчика и заставил его попивать из стакана морс на виду у всех. Должного действия реклама не произвела, было продано две штуки приезжему киевлянину, и всё.

Однако события приобрели несколько криминальный оборот. Перед закрытием рынка, лавку навестил тот самый киевлянин, его заинтересовала подозрительная труба. Торг не принёс результатов, однако ночью бдительная стража, прикормленная Пахомом, схватила шайку воров. Рядовой, казалось бы, случай, ан нет, в главаре бандитов Ильич опознал своего покупателя. После непродолжительного мордобоя выяснилось, что струг, использовавшийся для складирования камней, киевлянину был очень знаком. Да настолько, что когда-то принадлежал ему. Пахома пасли несколько дней, готовясь отомстить за побитых разбойников ограблением и поджогом торгового места купца. Всё ждали, когда звонкого серебра в лавке насобирается достаточно, да невтерпёж стало. С утра воскресенья, как было принято, при всём честном народе ожидалось судилище. Накануне Ильич целый вечер готовился, обдумывал речь и примерял ярко-жёлтую шёлковую сорочку с новыми, очень прочными портками синего цвета. Штаны были превосходны, только вот зачем нашивать дополнительные лоскуты материи на тыльную часть, купец понять не мог. Рубаха-то навывпуск, лоскутов с медными заклёпками не видно. Так и не придумав как выставить напоказ задние накладные карманы, Пахом Ильич затушил огарок свечи и улёгся спать. Только утром на суд Ильича так и не вызвали, судить стало некого. Киевлянин сбежал из поруба, а двое задержанных подельников скончались на дыбе при допросе.

Беда, как обычно, не приходит одна, лавку стали обходить стороной. С чьей-то подачи товар Пахома всё чаще стали называть дьявольским. Купец поначалу решил, что это происки завистливых товарищей по торгу, однако мысль эту отбросил. У монополиста нет конкурентов, есть только недоброжелатели. Для их выяснения и распространения опровергающей всяческие злые козни информации по городу был отправлен Евстафий, брат жены Ильича. Такое занятие для него было не впервой. Будучи в Бирке, шурин сумел пустить слух о караване с медью, который вот-вот придёт, после чего Пахом скупился так, что утроил свой капитал в Новгороде. Медный караван в итоге подошёл, но только через два месяца, под самый конец навигации, а ложка, как говорится, дорога к обеду. Подающий надежды на торговом поприще родственничек обладал даром моментально оценивать ситуацию и извлекать выгоду из сложившихся обстоятельств. Был незаменим в щекотливых делах, и если б не прокол с чудолодкой, то вообще не имел бы нареканий. Побродив по разным местам, выслушивая сплетни и всякие разговоры, вставляя своё веское слово, там, где того требовалось, Евстафий доложился о проделанной работе. Воду мутит не абы кто, а настоятель церкви Михаила Архангела, той, что была построена ещё при Давыде Ростиславиче и являлась резиденцией смоленского епископа. Спорить в одиночку с высокопоставленным церковником Ильич не рискнул. Слушители Господа, хоть и не лезли в торговые дела паствы (хватало торговли зерном), однако

случая поймать выгоду с чего-то нового не упускали. Прецедентов хватало, посему решив не откладывать дело до завтра и отплыв по реке на пару вёрст, новгородец повернул на Нагать и связался по рации со мной. Решались сразу два вопроса. Первый – это поп с обрядом освящения строительства усадьбы во избежание нехороших слухов, второй – получение поддержки церкви в торговых делах. Выслушав рассказ купца о его приключениях, я предложил встретиться на верхнем Соже. Насколько удачно для меня подвернулась история с раненым, я сказать не могу, но выздоравливающий родственник кормчего с ладьи Пахома Ильича прекрасно знал, как добраться до места randevu. Так что свернуть не в тот ручной рукав мне не грозило, да и члена команды можно было вернуть в свой коллектив с такой оказией.

Пара тюков набивного ситца и чудо механической мысли в виде швейной машинки с запасом ниток перекочевало в резиновую лодку. Она, в виде подарка настоятелю церкви, скорее всего, перейдёт в хозяйство жены священнослужителя. Через год, а может и раньше, от работы сломается игла или несмазанный механизм заклинит. При ремонте её доконают окончательно, а к тому времени меня уже тут не будет. Отцепив от цепочки золотой крестик, я помазал его клеем и прижал к корпусу. Теперь всё богоугодно, по крайней мере, я так думал.

За то время, пока мы в пути, Савелий научился управлять лодкой, и теперь появилась возможность прокатиться в качестве пассажира. Мерцающая в лучах заходящего солнца водная гладь, буквально гипнотизировала, и на меня нахлынуло воспоминание. Не удержавшись, я опустил ладонь в реку. На шлюпочной стажировке это называлось «пустить леща». Мелочь, но воспоминание о юности обрадовало меня. Много лет назад, в Севастополе, на первом курсе военного училища мы старательно гребли на шестивёсельном яле, а рулевой мичман рассказывал о флотских традициях; гребец, сломавший весло у основания рукояти, получал отпуск домой. Конечно, мысли были о доме, и мы вгрызались в весло с удвоенной силой, втайне мечтавая переломить его. Боже, как давно это было, где теперь страна, которой давал присягу? А может, название страны никогда и не менялось, есть Русь, она никуда не делась. Клятва, данная СССР, равна присяге, данной Руси. Что ж, я буду защищать Родину, в каком бы времени она не находилась, во имя памяти деда, сгоревшего в танке под Брестом, во имя моих сокурсников, погибших на «Курске», во имя женщин и детей, которые с надеждой смотрят на нас, защитников Отечества. Даже строительство усадьбы для меня стояло на втором месте. Разгребая всяческий хлам на чердаке, я наткнулся на сундук с записями дяди Феди. Были там в основном его стихи, но несколько заметок о событиях тех лет, когда он регулярно перемещался, пролили некий свет на мою голову. Оценить правдоподобность исторических дат можно было лишь пережив их, а в записях к тому же, упоминались места, находившиеся рядом со мной. Этим я и решил заняться. Орда, хозяйничавшая на Руси, приближалась к Смоленску. Крупный торговый город был, несомненно, в их планах. И никто не даст гарантии, что передовой отряд разведки кочевников уже сейчас не отмечает места переправы, не высылают шпионов, пытая местных жителей и вербуя проводников. «История повторяется» – эта фраза из дневника, как краугольный камень засела в моей голове, не давая успокоиться.

К восьми вечера мы добрались до места встречи. Тихая заводь на первый взгляд выглядела естественным творением природы, но в ближайшем рассмотрении угадывалась рука человека. То тут, то там можно было рассмотреть искусственно насыпанные дамбы, а вырытый узкий канал промеж двух холмов говорил о титаническом труде не одного поколения. Вот, каким образом из Днепра попадали в Сож. В моё время этого уже ничего нет, даже болот, появившихся в этих местах, через пару сотен лет. Оно и понятно, всему своё время. Уже сейчас от старого поселения, когда-то здесь обитавшего, осталось лишь одно напоминание в виде ушедших в землю разваленных землянок, да поросший репейником вал. Возле него, у чудом сохранившейся пристани, не иначе как выстроенной из лиственницы, стояла ладья. Отложив все разговоры на светлое время суток, мы отужинали на берегу и разместились на ночлег по своим кораблям. Ужасней ночи, чем эта, я не припомнил. Комары вились столбом, у проти-

воположного берега квакали лягушки, по воде скользили ужи, а над головой несколько раз пролетали какие-то птицы. Естественно, утром я был не в духе и непонимание купца в работе механизма воспринимал не совсем адекватно. Тем не менее, когда Пахом в четвёртый раз правильно заправил в шпульку нитку и вторую нить с катушки вдел в иголку, мы попрощались как старые знакомые. Мой путь лежал обратно на юг, а новгородцы отправились к Смоленску.

Ночь в городе торговый гость провёл беспокойно, во сне ему являлся красномордый мужик в сапогах, поразительно похожий на настоятеля церкви Михаила Архангела. Снимая обувь, он неспешно перематывал портянки. Вместо ступней у гостя были копыта. Второй сон был ещё хуже: сбежавший киевлянин предстал перед купцом в обгоревших тряпках. На красных от ожогов руках тлели сгоревшие волосы, которые рассыпались угольками в одно мгновение, вновь отрастали, чтобы снова сгореть. Размахивая саблей, он грозился то вспороть живот, то утопить ладью, то забрать подзорную трубу, которая была в руках у Пахома. Голова татя была выбрита, одного уха не было, а на груди сверкала золотая треугольная бляха.

– Господи, спаси и сохрани, – пробормотал спросонья Ильич.

Перекрестившись несколько раз, Пахом утёр вспотевший лоб и посмотрел по сторонам. Лампадка у образа потухла, тем не менее, на ощупь он быстро отыскал выставленный с вечера ковшик с водой и, испив, вышел во двор с тревожными мыслями: «Приснится же такое, врагу не пожелаешь. А батюшка-то, с копытами, как такое возможно?»

Отойдя от сложенной поленницы дров, возле которой образовалась лужица, купец посмотрел на начинающее светлеть небо и вернулся обратно.

– Евстафий! – позвал Пахом своего приказчика.

Помощник спал, прислонив голову к мешку, в котором лежала швейная машина. Выполняя наказ Ильича беречь подношение пуще своего глаза, он не расставался с ценным грузом, так и уснул в обнимку. Что снилось братцу любимой жены, осталось для Пахома тайной, но пережитый страх надо было на ком-то выместить.

– А ну вставай, пёс. Я уже на ногах, а ты всё дрыхнешь. Собирайся живо, к настоятелю пойдём, будь оно всё неладно.

– Не сплю, не сплю, Пахом Ильич. Мешок стерегу, всю ночь глаз не сомкнул. Как почивать изволили?

Лучше бы Евстафий и не спрашивал, купец заново вспомнил пережитый сон, по лицу пошли красные пятна. В порыве гнева Пахом на ходу замахнулся ногой, желая пнуть приказчика, но не рассчитал и, промахнувшись, упал на пятую точку. Евстафия как ветром сдуло, схватив мешок, он отбежал к двери, где замерев, искал глазами укрытие, куда ж спрятаться? Босиком бегать по двору было несподручно, а пострадать от ног Ильича не хотелось и вовсе. Действующие лица на мгновение замерли.

– Прости, Евстафий, не с той ноги встал. Сон бесовский мне приснился, тать киевский во сне приходил, жизни обещал лишить.

– То бывает, Пахом Ильич, сплунь через левое плечо да свечку в храме поставь.

Совет был дельным, а главное легко исполнимым, поплевав три раза, купец отправился завтракать, обдумывая на ходу, какие слова сказать настоятелю, дабы прекратились слухи о дьявольском товаре. В голову, как назло, ничего не лезло, да ещё простоквашу на рубаху пролил. Не задался день, видит бог, не задался.

* * *

Весеннее солнце стояло в зените, ласковые лучи к этому времени набрали ту силу, когда вместо приятного тепла становится жарко и люди стараются найти какое-нибудь укрытие, чтобы спустя пару часов вновь вспомнить о нём. Дежуривший при лавке монах Иннокентий освящал крестом каждого покупателя, попутно попивая холодный квас из собственного стек-

лянного стакана. Глиняную бутылку с напитком он взял у себя в трапезной (квас вышел замечательный), а вот стакан ему достался благодаря душевной доброте Пахома Ильича, согласившегося передать товар на исследование. Отрешённым взглядом Иннокентий поглядывал на церковную кружку, в которой в лучшие времена иногда лежал крошечный осколок янтаря, или позвякивал кусочек меди, брошенный очередным горожанином. Из этой меди монахи мастерили нательные крестики и продавали уже за серебро. Сегодня жертвовали из рук вон плохо, хотя люди заходили. Оставаясь наедине с приказчиком, Иннокентий заводил с ним разговор: то о погоде, то о церковных праздниках, затрагивая иногда житейские темы, на которые всегда хочется поговорить. Монах спрашивал с почтением, словно ученик у преподавателя, хвалил Евстафия за сообразительность, ставя его много выше хозяина. Мол, и умён и находчив, присмотреться – так и красотой Бог наделил, небось, девки вокруг сохнут, а речь ведёт, так и проповеди не читают. И прожженный приказчик поплыл, забыв, как сам таким же образом убалтывал клиентов на покупку никчёмного товара.

– Так что это за войско такое, струг разбойный побившее? – невзначай задал вопрос Иннокентий.

– Войско то называется... отр... рядок... твою нехай! Рать «Меркурий», во как.

– Наверное, и воевода у рати есть?

– А как же, боярин Лексей. А с ним сотник рязанский. Савелий с нами из Мстиславля шёл, а потом у грека этого остался.

– И как, преуспела рать в воинском деле?

– Хм-м... – усмехнулся Евстафий, – скажешь тоже, преуспела. Они выгонцев полупили, глазом моргнуть не успел. Полсотни татей было, грохот, треск, а как глаза открыл, то они уже на ладье нашей.

– Кто на ладье, тати?

– Не, меркурьевцы. Лихих людишек к тому времени уже в реку скинули, а воевода их, значит, к Пахому Ильичу подошёл и лыбится так, словно комара назойливого прихлопнул, а не людей жизни лишил. Струг подарил, а он, новый в Новгороде, худо-бедно дюжину гривен стоит. Этот, конечно, и на треть от цены не потянет, но всё ж. О чём это я, а... вспомнил. Так вот, пожелал, стало быть, он счастливого пути, прыг в свою лодку и был таков.

– И сколько было меркурьевцев, тоже полсотни? – Иннокентий задал вопрос и в то же время как бы усомнился в правдивости рассказчика.

– Пятеро их было, в бронях оранжевых, шеломах зелёных, с самострелами, злые как черти.

– Пожрать бы чего, – вдруг сказал Иннокентий, – у тебя есть, что на зуб кинуть?

– Пирожки вчерашние, будешь?

В это время в лавку зашёл покупатель, и приказчик стал заниматься своими непосредственными делами, пополняя казну Пахома Ильича, помня о собственном наваре, и напрочь забыв о разговоре с монахом, словно и не было его.

Вечером того же дня, Иннокентий докладывал настоятелю о разговорах среди торгового люда, денежных потоках и появившемся на берегу Сожа грозном отряде «Меркурий», воины которого играючи разделались с пиратским стругом. Мало того, спасая купца, не проявили алчности, а даже наоборот, отдались. Именно последнее обстоятельство заинтересовало церковного главу. Какой смысл рисковать жизнями, если с этого ничего не получать? Ответ напрашивался сам собою. Этих воинов добыча интересовала постольку-поскольку, так как у них стояла явно другая задача и тати оказались в неудачном для себя месте и времени. Но было и ещё одно обстоятельство, о существовании которого мало кто знал. В начале года настоятелю стало известно, что то ли в Смоленск, то ли в Киев с какой-то миссией направляется доверенное лицо патриарха. Наличие же какого-то воинствующего грека, действующего без всякой

логики, только усложняло и без того сложное уравнение политических сил. Посему церковник решил перестраховаться.

– Интересно, пусть людишки Одноухого разнюхают там всё. А ежели удача будет сопутствовать, то нехай разорят гнездо бесовское. Негоже нам иметь глаза лишние в том месте, сам знаешь, кого ждём, иди с богом.

Настоятель перекрестил спину монаха, скорее по инерции, чем из чувства долга, поправил рясу и пошёл по направлению к подвалу, где сидел Пахом Ильич, обучая тощего служку премудростям работы швейной машинки.

Новгородец оказался в щекотливой ситуации. С одной стороны, после щедро заплаченного молебна об успехах торгового начинания Пахома Ильича, механического подарка, оцененного купцом в четверть пуда золота, он получил благословление своих трудов и какого-то попа в свою лавку, который должен был своим видом показывать, что бесов в товаре нет. С другой стороны, купец должен был показать, как работает механизм, и обучить с ним обращаться. Вот в этом и была загвоздка, данный в обучение двенадцатилетний служка при церкви был очень трудолюбив, но абсолютно бестолков. Ильич стал раздражителен, ученик постоянно прерывался на молитвы, отвлекался во время объяснения, шпулька с ниткой из рук подростка выскользнула и закатилась в щель, между кирпичами, которую в затемнённом помещении и найти сложно, не то что достать. С трудом выковыряли. Перенести урок на следующий день или уйти Пахом не мог, и дело было не в слове, данном настоятелю, обучить отрока. Дверь была заперта снаружи. Один раз принесли поесть, ему было на один зуб. Голод, придурок, молившийся на коленях в углу – всё бесило купца, Ильич даже хотел поколотить мальчишку, но в стенах храма не рискнул. Невдомёк было, что столь искусно разыгранный спектакль с полоумным служкой имел задачу довести психику новгородца до белого каления.

– Как там, в лавке, справляется ли Евстафий? – вслух пробормотал купец, как в это время дверь отворилась и в келью вошёл настоятель.

– Как идёт обучение, сын мой? – обратился священник к подростку.

Тот встал с колен, незаметно кивнул и замер как статуя.

– Ступай с богом отрок, опосля расскажешь.

Настоятель приблизился к Пахому, ледяным взглядом окинул купца, дождался, когда дверь за служкой закроется, и, вращая перстень на пальце, начал допрос:

– Значит, ты говоришь, что Алексей – ромей из Мурманска? Странно, не помню такого места, а почему войско «Меркурий» называется, сколько людей в нём, за что живут, как сотника зовут?

Новгородец, желая поскорее выбраться из мрачного помещения, рассказал все, что знал. А как же не рассказать, вроде как исповедь. Умолчал только о рации, потому, как не спрашивали, как связь поддерживал. И было у Пахома ощущение, как будто воли его лишили, и даже хотевши солгать, не смог бы. Выйдя на улицу, он подобно сонной мухе брёл по дороге к себе в лавку, торг давно закрылся, и Пахому остро захотелось выпить чего покрепче, да и закусить плотно не помешало бы. Харчевня была рядом с рынком, а запах гороховой похлёбки с ветчиной безошибочно указывал направление. Ноги купца сами донесли его до сего заведения.

– Много пить, много есть, – сказал купец, протягивая старую арабскую монету с угрожающей надписью: «Кто монету не возьмёт, тому смерть», половому.

Расплатившись «чёрным дирхемом», Пахом уселся за стол. Он давно желал избавиться от этой монеты, имевшей хождение только в пределах Бухары, да всё никак не удавалось. И вот, вроде как всё получилось, а радости так и не прибавилось. Было ли шумно, Ильич не понимал, словно уши заложило ватой. Может, из-за этого он и не расслышал, как в харчевне началась драка, а занятый поглощением еды не увидел, как лихой посетитель, замахиваясь доской от лавки, стоя спиной к Пахому, треснул его по башке. Бум! В глазах новгородца вспыхнул свет, возможно, были и искры, затем темнота и полное спокойствие. Очухался купец после ушата

холодной воды, вылитой на него на улице, перед харчевней. Немного подташнивало, на лбу шишка, шапки и кошель нет, рубаха из дорогого шёлка порвана.

– Хоть сапоги не спёрли, гадёныши! – высказался новгородец, вставая на ноги.

Вот и вышел обман с монетой боком. Пахом, тем не менее, всю дорогу к лавке ругал то трактирщика, то соседей по столу, а то и стражу, не уследившую драку. Не было счастья, так несчастье помогло. Ильич вновь стал отчётливо слышать, радость вернулась в его сердце, жить стало интересно и жизнь была хороша. В лавке, не ответив на расспросы о внешнем виде, он лёг спать. Кошмары его не мучили, однако под утро во сне явился настоятель храма, на этот раз сзади из умышленно проделанной дырки на рясе у священника торчал хвост с кисточкой на конце. Оный предмет подобно змее извивался и щёлкал по полу. Настоятель со злостью шипел, но подойти ближе к Пахому не мог, всё время наталкиваясь на стену из стекла, которую Ильич воздвигнул перед приходом беса. Вскоре видение исчезло, но появилась огромная улыбающаяся рожица Лексея. Прошла сквозь стекло, подмигнула и испарилась.

* * *

Незадолго до полудня, отойдя от городских причалов до первого отдыха гребцов, Пахом Ильич вышел на сеанс радиосвязи. Новгородец ретировался из Смоленска, отдав распоряжение торговать в лавке до победного конца, то есть с утра и пока не продадут весь товар. То ли ночной кошмар, то ли интуиция купца, помноженная на авантюризм, гнали Ильича прочь от города, подальше, на базу Лексея. Бывший пиратский струг, заваленный на три четверти булыжниками (больше нельзя, на волоке тяжело), с четырьмя девочками двенадцати лет, взятый на буксир, изрядно тормозил продвижение. Ветра не было, гребцы делали свою работу, а Пахому казалось, что всё стоит на месте и даже утка у берега плывёт быстрее. Изволновавшись, купец спрятался под тент из шкур и открыл сундучок с рацией.

– Лексей, Лексей, это я, Пахом. – с опаской прошептал и замер, не подслушивает ли кто?

Вообще-то услышать голос, а точнее приглушённую речь человека, на судне, идущем на вёслах, под ритм гонга, вернее бубна, невозможно. Если не бьют в натянутую на обруч кожу, то загребной подаёт команду. Под этот крик и грохот вёсел о воду Ильич сказал, что необходимо срочно увидеться, а так как разговор деликатный, то он, собственной персоной, себе в убыток спешит на встречу. Это означало, что никакого злата-серебра он не везёт, но семьдесят вёрст по реке просто так преодолевать не станешь. Значит, что-то случилось.

Наряду с этими событиями строительство у камня велось ударными темпами, уже был выложен фундамент стены и столбы из арматурных прутьев, обложенных мелкими булыжниками. Из корявых, необрезных досок сколачивали щиты, ставили параллельно друг другу между пролётами и в полуметровый промежуток между ними клали камни, заливая раствором. Таким образом, обозначили периметр. Камней, привезённых первой баржей, хватило только на это, благо речного песка – завались, и можно было использовать прибрежную гальку. Лесорубы валили лес, двое рабов, делавшие со мной доски для причала, так и остались работать на пилораме. Возле их рабочего места уже возвышалась приличная гора опилок, стружки и не менее величественная, метра в три высотой, конструкция из сохнувших досок. Вот только с возведением дома пришлось обождать, строить из сырого леса было нельзя, а запаса прошлогодних брёвен явно не хватало. Артельщики натаскали заготовки к камню с палаткой, и вскоре холм превратился в лесозаготовительный склад, отсекая обзор со стороны леса. Видя это, Савелий распорядился поставить смотровую площадку на дереве, и если бы не моё вмешательство, то так бы оно и было. В итоге первое деревянное строение с крышей стало напоминать караульную вышку, десяти метров высотой, которую можно наблюдать в местах не столь отдалённых моего времени. На вышке установили аккумуляторную батарею с ветряным генератором, а к ним подключили прибор ночного видения и дешёвое переговорное устройство.

Всё, что видел караульный, мог моментально знать сотник. Савелий же докладывал мне только в случаях, требующих немедленного решения. Караул из двух постов сократили до одного, что дало больше времени на подготовку воинства. Каждый день вперемешку со щелчками спускаемой тетивы арбалетов и лука изредка слышался звон учебных клинков да громкая поучительная речь Савелия. Меч не предназначен для парирования, рубящий удар можно сбить с поражающей траектории, но лучше уклониться, посему и звон редок. Чем выше класс мастерства мечника, тем меньше от него шума. По три часа в день рязанцы тренировались до седьмого пота, отдыхали, а затем снова брались за оружие, устраивая поединки.

– Атакуешь слева, шагай только левой ногой! Велимир, сколько раз тебе можно повторять? – кричал Савелий. – Это правило выживания в сече.

– А если два врага рядом? Я же к нему спиной повернусь.

– Рывком! Вот так! Смотри, нога проходит мимо передней в проходящем шаге, раз! Ускоряешься и рубишь. Отскок! Выпад с передней ноги, подбиваешь меч противника – и он твой. Ноги и бок у него открыты, делай что хочешь.

– Как яйцо, – сделал вывод Велимир, – разбил, съел, выкинул.

– Где-то так. Открыл, расчистил, закрыл. Щит! Щит выше!

Предводителю моего воинства за бой с пиратами я сделал подарок. Теперь один из перстней с искусственным рубином украшал безымянный палец Савелия. Как-никак командир должен отличаться от рядовых бойцов, тем более бывший сотник. Тогда я и задумался, что за птица Савелий? Сколько солдат было в сводной дружине рязанского князя? Две, максимум три с половиной тысячи. Из них полтысячи действительно дружинников, экипированных, обученных и служащих, так сказать, по контракту, остальные оруженосцы. Двадцать, даже двадцать пять тысяч горожан не смогли бы содержать больше. Да и было ли их столько? Следовательно, Савелий – один из немногих приближённых к князю, и только великая нужда заставила его наняться охранником на ладью, да и то, скорее всего, маршрут следования совпадал. Ведь когда восемь охраняют десятерых, это нонсенс, не соловьёв-разбойников же конвоировали. А если он из рязанской знати, где все многочисленные родственники? Со временем эту загадку я думал разрешить, а пока, почему бы просто не послушать, о чём говорят люди? Выйдя из палатки, обошёл лагерь вокруг, снял пробу ухи, предложил доложить картофель. Повар уже был в курсе, что это за клубни, соглашаясь со мной, кивнул головой, и как только я отошёл от кухни, пробормотал, мол, только испортит всё, но картошку чистить стал. Вот так, за заботами прошёл ещё один день. Все ждали прибытия новгородской ладьи, и где-то ближе к вечеру с вышки раздался свист. Никак к телефону привыкнуть не могут. Так что слова Савелия: «Ладья Пахома приближается, Лось говорит, струг тянут, – я уже не слушал. Лосем звали караульного на вышке. Вместе со мной он ходил на резиновой лодке, когда мы били разбойников. Здоровый крепыш, отчего-то молчаливый, во время боя забывал обо всём и пёр напролом, за что и был удостоен своего прозвища ещё в Рязани. Раз оставался жив, значит, подобная тактика для него оправдывалась. Сотник стоял рядом со мной и ждал ответа.

– Хе, опоздал Пахом к ухе. Савелий, распорядись, чтобы разгружали баржу, заодно подъёмник опробуем.

Эту конструкцию, состоящую из двух деревянных полозьев, соединённых поперечными досками, на которых была установлена вагонетка, мы соорудили совсем недавно. Сверху с помощью блока корзину с грузом тянули на возвышенность, разгружали и аккуратно спускали своим ходом, стопор не позволял тележке слететь в воду, а ребро колеса не давало соскользнуть в сторону. Более десяти пудов не грузили, так что конструкция пока выдерживала. Промятые полозья легко было заменить, да и строилось всё это только для перегрузки песка.

По методу бурлаков с помощью каната подвели баржу к причалу, пришвартовали, после чего стали перевозить булыжники. С прибытием камней, с утра можно было возобновить строительство куска стены, защищающего лагерь со стороны реки, и хотя все прочие работы мы

свернули, переквалифицировавшись поголовно в грузчиков, всё равно не успевали. Баржа дала течь ещё вчера, столкнувшись с плавунами и подобраться к ней из-за булыжников было невозможно. Разгруженный на четверть струг мы с трудом вытянули на берег, серьёзно повредив днище, и пока последний булыжник не выгрузили, Ильич не отходил от судна, охая и ахая. А уж опосля мы пошли в шатёр для приватного разговора. Купец заметно похудел, малиновая сорочка уже не облегала пузо, как при нашей первой встрече, сам он был немного рассеянным и уставшим. Но больше всего в глаза бросался лоб: шишка величиной с половину грецкого ореха. Все попытки спрятать её под чёлкой разрушал ветерок. Отсутствие головного убора надо было исправить. Была у меня про запас шапочка, хоть и трикотажная, но для весенней погоды в самый раз. Подобные шапочки через шесть веков будут вязать девушки Туманного Альбиона, чтобы защитить головы английских солдат от пронизывающих ветров так «обожаемой» ими Балаклавы, с тех пор и название у них соответствующее – «балаклавы».

– Пахом Ильич, возьмите шапочку, вечером становится прохладно, а простудиться сейчас ну никак нельзя.

Новгородец сообразил, что к чему, принял подарок с достоинством и сразу же прикрыл увечье, ну так не простужаться же, право слово.

В шатре стояли столик, два раскладных стульчика и множество ящиков, образующих как бы дополнительные стены. Включённый фонарь, подвешенный к петельке верха, освещал всё это ярким белым светом. Комаров не было, роза ветров данного места такова, что вреднящих насекомых от реки сносит в сторону леса, а может, что-то ещё им мешает. Тем не менее, продолжительно пользоваться фонариком в пятидесяти шагах от камня я бы не рискнул, налетают вмиг. Не дав Пахому открыть рот, я указал пальцем на фонарь:

– Специальная лампа, последняя разработка наших алхимиков.

Купец явно приехал искать защиты, значит, наличие такого артефакта только убедит его в правильности решения. Если б Ильич стал спрашивать принцип действия светильника, пришлось бы наврать, мол, особо выкормленных светлячков в банку насадил, пусть проверит на досуге. Новгородец оценил лампу, потрогал пальцем и поведал мне всё, что произошло в Смоленске. О том, как сидел, словно неразумное дитя уставившись на перстень в келье у настоятеля; о том, как смог вспомнить разговор только после удара по голове, и о том, каков мерзавец трактирщик, срезавший кошелек со многими гривнами. Мне хотелось добавить, что ещё были куртки замшевые импортные три и многое чего другого, но тут разговор резко переключился на другую тему. Пахом Ильич заострил моё внимание на своих снах, ибо считал их знамением чего-то важного. Аргументы у него были не убедительны, и я уже стал тяготиться подробным перечислением многочисленных случаев, когда «сон был в руку», стараясь перевести всё в шутку, как наш разговор прервал Савелий. Подойдя к палатке, попросил меня выйти к нему.

– Лодка в полуверсте от нас, парус спустили, идут по течению о двух вёслах, народу много. И ещё, Алексей, они достали щиты, а на корме несколько человек в шеломах. Это набег, если примем бой, многие лягут. Можно успеть по-тихому отойти в лес, а ночью напасть самим.

Невесело как-то мне стало, совсем невесело. Ночной бой с хорошо вооружённым противником – это не расстрел бандитов, у которых самым грозным оружием был топор и дротик с каменными наконечниками. Вот только уйти в лес нельзя. Конечно, с точки зрения тактики, напасть из засады это правильно, но тогда разрушится легенда о посланце. Что ж это за «спаситель», который заглядывает в будущее, но бежит от кучки вооружённых людей? Тут требуется не просто дать отпор, а сделать это жёстко, показательно и кроваво, чтобы при крохотном сомнении все крамольные мысли выдувало как дым из трубы. А пока что надо самому проверить, что ж там за опасность такая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.